

Михаил Ахманов
Посланец небес
Серия «Ивар Тревельян», книга 1

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142571
Ахманов М. Посланец небес: фантастический роман: Эксмо; М.; 2005
ISBN 5-699-09734-1*

Аннотация

Ивар Тревельян отправляется на планету Осиер, населенную подобными землянам гуманоидами, находящимися на стадии средневековья. В некоторых отношениях этот мир благополучнее Земли в аналогичный период – он не столь кровав и жесток, ибо законность в нем поддерживает всемогущая империя, покорившая единственный населенный континент планеты. Но почему-то это общество не воспринимает новаций земных прогрессоров, и Тревельян должен выяснить, в чем тут дело.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Михаил АХМАНОВ

ПОСЛАНЕЦ НЕБЕС

Глава 1

БАЗА

Крохотный кораблик оторвался от вытянутого, сверкающего серебром корпуса «Пилигрима» в восьмидесяти тысячах километров от планеты. Сквозь прозрачный колпак, за которым царили холод и тьма, Тревельян видел золотистое солнце, огромный туманный шар Осiera и россыпи самоцветов-звезд, среди которых самыми яркими были альфа и бета Апеллеса. Первая из них казалась изумрудом, оправленным в бархат темноты, вторая была поскромнее – бело-голубоватая искорка на фоне созвездия Шерр. Он припомнил, что у местных так назывался какой-то зверек, водившийся в восточных лесах, в Этланде или Пибале.

Солнце слепило глаза. Тревельян отвернулся и, запрокинув голову, проводил взглядом «Пилигрим», поджидавший, пока его капсула не удалится на безопасную дистанцию. Когда это случилось, контур корабля начал понемногу расплываться, погружаясь в беспредельность Лимба, словно квантовая пена¹ заволакивала его, как самый обычный туман, что поднимается прохладным утром над рекой. Тревельян, путешественник опытный и бывалый, наблюдал такое не в первый раз, но всегда поражался. Конечной точкой маршрута звездного лайнера был один из успешно колонизируемых миров альфы Апеллеса, и там корабль окажется быстрее, чем сам Тревельян на осьерской базе. Ему, не физику, не астрогатору, такое мнилось почти что чудом.

Шлем управления уловил его мысль, и колпак кабины с солнечной стороны потемнел, приглушая яркость падавшего света. Ренур, осьерское солнце, относился к тому же звездному классу, что и земное светило, и был подобен ему во всех отношениях, кроме одного: в этом мире, из-за отсутствия спутника, не наблюдалось солнечных затмений. Ночи, однако, выглядели чарующими – вместо Луны сияли ближние звезды Апеллеса. Но о ночном очаровании Осiera Тревельян мог судить лишь по голограммам, стереоснимкам и видеополоскам. На этой планете сотрудники Фонда и все другие экспедиции с Земли не появлялись уже пятьдесят лет, с момента внедрения последнего и самого значительного эстапа.

«Пилигрим» исчез, послав ему на прощание улыбку Лиды, младшего пилота-навигатора. Глядя, как над панелью дальней связи тает ее лицо, Тревельян сладко потянулся. Милая девушка! Очень милая! Ее благосклонность, несомненно, скрасила этот недолгий перелет... Теперь же развлечениям конец, теперь начинается работа... Но эта мысль его не огорчала; свою работу он любил и считался в Фонде одним из лучших разведчиков-наблюдателей, кавалером Почетной Медали и Венка Отваги. Только два греха мешали ему сделаться самым лучшим: склонность к юмору и красивым женщинам. То и другое ценилось Тревельяном почти одинаково, хотя юмор всегда был при нем, а с женщинами время от времени приходилось расставаться. Но, обладая солидным опытом, он делал это весьма деликатно.

УТК, «утка», или универсальная транспортная капсула, повинувшись его команде, снизилась у северного полюса и, не входя в плотные слои атмосферы, повернула, держа курс над сине-зеленой выпуклостью Западного океана. Достигнув субтропических широт, Тре-

¹ Лимб или Край, Окраина – область квантового шума, хаоса, который окружает Вселенную. В Лимбе корабли перемещаются быстрее света. Квантовая пена – хаотические флуктуации субквантовых частиц, слагающих поле и вещество. При попытке совместить две точки пространства (сделать мгновенный прокол) квантовая пена играет роль противодействующего фактора.

вельян снова повернул, теперь к востоку, и сделал три запланированных витка вокруг планеты, разглядывая серию пейзажей и картин, что проецировались на колпак кабины. Не один месяц просидев в центре подготовки, географию этого мира он знал как таблицу умножения. В Восточном полушарии тут имелся огромный материк, побольше Евразии и Африки вместе взятых, с двумя обширными внутренними морями, десятком гигантских рек и всем остальным, что полагалось такому солидному массиву тверди, – горами, лесами, степями, тундрой и ледником, тянувшимся до самого полюса. Весь континент, от горного хребта на юге до ледяных пустошей севера, был обитаемым, причем аборигены отличались от людей Земли лишь в самых незначительных подробностях. Два западных континента – или один, разделенный проливом, – были, как обе Америки, вытянуты по меридиану и, уступая втрое своим земным аналогам по площади, все же являлись приличными кусками суши. Все, что нужно, было в наличии: девственные земли, плодородные почвы, руды и минералы в горах, бухты, удобные для кораблей, масса животных и полезных злаков; словом, все, абсолютно все, кроме людей. Автохтоны с восточного континента полагали, что земля их плоская, и если отплыть в любую сторону на кораблях, то рано или поздно упрушься в Оправу Перстня Мира, который держит в руке Таван-Гез. Богам такая предприимчивость могла не понравиться – и самому Таван-Гезу, и его супруге Таванна-Шихи, и сыну их Тавангур-Дашу. Надо думать, по этой причине к западным материкам не плавали – во всяком случае, в былые годы.

Облетев планету, Тревельян установил, что за прошедшую половину века будто бы ничего не изменилось. На востоке жизнь кипела; там стояли города, тянулись меж ними дороги, плыли по рекам галеры, парусники и грузовые плоты, вздымали пыль торговые караваны, зеленели поля, фруктовые рощи и пастбища, а кое-где даже шла война, что было, в общем-то, не характерно для центральной Империи и окружающих ее государств. А вот на западе – тишина! Ни струйки дыма над поселением, ни корабля в гавани, ни лодки на реке, ни охотников в степях, переполненных всякой живностью... Это означало, что все усилия Фонда развития инопланетных культур опять ушли водой в песок. Хотя последняя попытка, оформленная в виде учения Дартаха Высоколобого из Этланда, считалась теоретиками ФРИК самой масштабной и самой надежной за двести восемнадцать лет изучения Осiera.

– Кое-кому это не понравится, – пробормотал Тревельян, давая команду на посадку. – Я даже знаю кому. Кто у нас занимался с этим Высоколобом? Группа Гайтлера, не иначе – идея-то была гайтлеровская... Значит, сам Гайтлер, Колесников, Соьер и Тасман. Гайтлер преставился, ушел к праотцам, даже в призраки ему не захотелось. Тасман... – он наморщил лоб, – Хьюго Тасман числится у нас без вести пропавшим. А вот Колесников и Соьер живы-здоровы и вполне благополучны. Большие люди, крупные ученые! Кстати, внеземную историю в Академии Соьер читал... и вклеил мне...

Вокруг колпака полыхнуло, заставив Тревельяна прищуриться, – «утка» вошла в плотный атмосферный слой, и автопилот включил защитное поле. Оставив воспоминания в покое, Тревельян вызвал изображение поверхности. Как и в начале спуска, под ним опять был океан, но уже не Западный, а Восточный. Здесь, в тропическом поясе, на равном удалении от Архипелага и пустынного материка в другом полушарии, лежал небольшой остров, подобный круглой корзинке с зеленью. От Княжеств Архипелага, ближайших обитаемых земель, его отделяло две с лишним тысячи километров. Имени остров не имел и в соответствующих документах упоминался просто: База. Когда ее покинули, Тревельяновы родители еще пешком под стол ходили, но, если судить по голографическим снимкам, место было живописное.

Двигатель капсулы тихо зажурчал, свечение поля сделалось ярче, на колпаке кабины возникло изображение утеса или даже целой горушки посередине островка.

– Вот сюда, – произнес Тревельян, отметив маркером ровную террасу у самой вершины. – Давай сюда, малышка, поближе к дверям.

Аппарат, сбрасывая скорость, пошел вниз, небеса приняли густой бирюзовый оттенок, свечение поля исчезло. На секунду «утка» зависла над террасой, словно высматривая участок понадежней, потом, выдвинув посадочные опоры, плавно опустилась на базальтовый карниз. Тревельян стянул шлем, велел сдвинуть колпак и с наслаждением вдохнул теплый воздух, насыщенный запахом зелени и пряными морскими ароматами. Не вылезая из кабины, огляделся. Внизу шелестели деревья, похожие на пальмы, за ними виднелся ровный, заросший травами и цветами лужок, а дальше – золотые пески роскошного пляжа, окатанные морем валуны в бороде водорослей и тихие ласковые воды, простиравшиеся до самого горизонта. Лужок, пляж и деревья выглядели так, будто на остров не ступала нога человека – если не с сотворения Вселенной, то, по крайней мере, в ближайшую тысячу лет. Но Тревельян отлично помнил голограмму этих мест, помнил, какими они были до консервации Базы. На лугу стояли уютные домики со всеми удобствами, на пляже – шезлонги, зонтики-грибки и автоматы с прохладительным, под теми пальмами был бар, а вот под этими – кафе, танцплощадка и место собраний. Но консервация есть консервация; сейчас ни за что не узнаешь, что тут побывали пришельцы из иного мира. То есть узнать, конечно, можно, но для этого понадобятся интравизоры, металлоискатели и взрывчатка, чтобы своротить скалу и добраться до складов, ангаров и рабочих помещений.

В кронах деревьев свиристели какие-то ярко окрашенные пичужки, над цветами порхала стайка медоносных бабочек, парил над самой водой длинноклювый белоперый рыболов, чуть заметно пошевеливая крыльями. Налюбовавшись этой благостной картиной, Тревельян усмехнулся и молвил:

– Ну, прямо Таити или курорт на Венере! Девушек только не хватает, смугленьких таких, стройненьких, с карими глазками... А ведь были, наверное, и девушки... Не один же Гайтлер тут куковал со своей командой! – Тревельян повернулся к панели связи и жестом включил запись. – Май месяц, третий день, тринадцать сорок две единого времени, местное... – он покосился на автоматический хронометр, – десять двадцать. Прибыл на осьерскую Базу. Приступаю к осмотру. Ивар Тревельян, социоксенолог.

Затем он вылез из кабины, забрал мешок со снаряжением и потопал по земле башмаками. Внизу был прочный, надежный базальт, никем не тронутый от века. С моря долетел резкий хриплый вопль – птица-рыболов ринулась к воде и тут же взмыла вверх, сжимая в клюве серебристую рыбку. Тревельян неодобрительно покачал головой.

– Что орешь, покой нарушаешь? Поймал свою селедку, и трапезничай в тишине... Ты тут, братец, уже не один. – Он подошел к скалистой стене, что поднималась за террасой, присмотрелся, ткнул пальцем в нужное место и произнес пароль. Стена раскрылась. Стоя на пороге темного прохода, он помахал «утке» рукой. – До встречи, солнышко. Прячься!

Капсула исчезла. Только как следует приглядевшись, можно было заметить серебристый ореол защитного поля. Но Тревельян смотреть на это не стал, а повернулся и направился к лифтам. Скала за его спиной закрылась, в широком коридоре вспыхнул свет, а вместе с ним – табло указателя:

«Ярус 1: администрация, связь, пункт управления, библиотека, лаборатории, хранилище артефактов, костюмерный блок.

Ярус 2: жилые помещения, столовая, медицинский комплекс, гибернационный блок.

Ярус 3: склады №№ 1—8, ангар роботов, транспортный сектор.

Ярус 4: энергостанция, водоснабжение, деструкция отходов».

– Все работает, даже удивительно, – сказал себе под нос Тревельян и, шагнув в лифт, спустился на первый ярус. Коридор тут был еще шире, стены облицованы плиткой сочного янтарного цвета, и кое-где висели картины, большей частью морские пейзажи. Осмотрев их

и решив, что живописцу до Айвазовского и Пастри далеко, Тревельян направился в пункт управления, уютный овальный залец, где пробужденный паролем голокомп уже подмигивал зеленым глазом.

– Мои приветствия, наблюдатель. – Компьютер говорил приятным мужским баритоном.

– Взаимно, старина. Меня зовут Ивар Тревельян, социоксенолог ФРИК, специалист по гуманоидным культурам. Мы с тобой немного потрудимся вместе.

– Ивар Тревельян, зафиксировано. Чем могу служить?

– Выполни частичную расконсервацию по варианту «Б». Мне понадобятся костюмерная и лодка. У тебя должны быть маленькие лодки класса «скат»... Я не ошибся?

– Процедура частичной расконсервации запущена. Подлодок «скат» имеется три. Транспортный сектор, четвертый ангар. Приступаю к проверке двигателя и навигационной системы лодки «Серая полоса». Тестирование займет семьдесят две минуты.

– Вот и прекрасно. Тестируй, а я тем временем принаряжусь.

– Желаете сеанс лучевой терапии?

– Нет. Мне еще рано омолаживаться, но поесть и выпить не откажут. Апельсиновый сок, гренки и яичницу с беконом. Справишься?

– Безусловно, наблюдатель Тревельян. Куда подать?

– А вот в костюмерную и подавай.

Он вышел в коридор, разыскал нужную дверь, вошел и ахнул.

Костюмерный блок был роскошным. Первым шел зал реквизита, обставленный шкафами с одеждой и стеллажами со всевозможным туземным добром, далее – несколько гримерных, все в зеркалах, с голокамерами, и еще один зал, поменьше – видимо, для инструктажа. Тревельян сунулся в ближайшую гримерную, вытряхнул свой мешок на мягкий удобный диванчик и разделся догола. Все волоски на его теле были удалены, включая усы и бороду, так как ни одна из осьерских рас таких украшений не имела. Зато грива темных волос была достаточно длинной, а бакенбарды просто великолепными – они спускались на два пальца ниже челюсти. Наклонив голову, он провел пальцем по черепному шву, тянувшемуся от верхней части лба до ямки под затылком. Шов тоже был в порядке, как и светлый оттенок кожи, благородной формы нос и едва заметные пигментные пятна под глазами, свидетельство его молодости. Сразу видно, что он не какой-нибудь провинциал с востока или запада, а представитель истинно имперской расы из провинции Трот или, скажем, Ки-Ксора.

Подмигнув своему изображению в зеркале, Тревельян нащупал медицинский имплант, вмонтированный слева под ребрами, потом имплант с призраком, сидевший в виске, и начал было облачаться, но тут появились яичница и сок. Еду принес маленький робот-гномик; держа поднос в манипуляторах, он терпеливо ждал, пока Тревельян насытится.

– Что-нибудь еще? – Знакомый баритон раздался из динамиков на груди гнома.

– Благодарю, я сыт.

Тревельян натянул нижнее белье, некое подобие сшитых вместе майки и коротких трусов, надел просторные полотняные штаны, спускавшиеся чуть ниже колена, подпоясался широким ремнем и повесил к нему стальной кинжал местной пейтахской работы. Затем сунул ноги в башмаки с отворотами и накинул пончо, прямоугольный кусок голубой ткани с вырезом для головы, украшенный по низу кисточками. Взял лютню с декой из розового дерева, тронул пальцами звонкие струны и, пробуя голос, пропел:

– Кто может сравниться с Матильдой моей! – У него тоже был баритон, довольно сильный и приятный, и хороший музыкальный слух. Прочистив горло, он распорядился: – Покажи-ка теперь мою голограмму. В полный рост!

Посреди гримерной возникло его изображение. Элегантное пончо, знак его профессии, дорогой кинжал, драгоценная лютня, башмаки с медными заклепками... Бакенбарды двумя

темными волнами спадают с висков, глаза блестят, лицо худошавое, бледное, взор светел... Очень романтичный облик!

Тревелиян обошел кругом и спросил:

– Ну, как я тебе? Хорош?

– Великолепен, наблюдатель Тревелиян. Выше всяких похвал! – отозвался голокомп. – Рапсод из Братства, вероятно? Или все-таки пастух?

– Рапсод. Видишь, лютня!

– Пастухи иногда тоже ходят с лютнями, – сообщил компьютер.

– Тебе видней, – буркнул Тревелиян. – Ты тут двести лет провел.

Функции Братства Рапсодов, странствующих сказителей, певцов и наставников в изящных и благородных искусствах, были ему до конца неясны, так как специалиста по этой узкой теме в Фонде не нашлось, а источники были весьма противоречивы. Тем не менее для своей миссии он выбрал ипостась рапсода как самую безопасную и надежную. Их Братство являлось уважаемой и разветвленной организацией, для которой не было границ; их обитатели в каждом крупном городе пользовались защитой властей и экстерриториальностью, их не трогали ни солдаты, ни чиновники, а заносчивое имперское дворянство общалось с ними едва ли не на равных. Причин такого расположения к Братству выяснить не удалось, ибо никто из исследователей им серьезно не занимался, распространяя на этот феномен земные аналогии: аэды, скальды, трубадуры и все такое прочее. Выучив с помощью гипноизлучателя сотни баллад и песен на трех языках, Тревелиян был уверен, что найдет пропитание в любой деревне и защиту на любой дороге. Были еще и земные песни, переведенные на осьерский и вложенные в его память в великом множестве.

Он нацепил на ушные украшения, серебряные кольца, что охватывали ушную раковину, заканчиваясь снизу подвесками с бирюзой. Затем подошел к дивану и начал складывать в походный мешок свое имущество: теплый плащ, флягу с водой, полотенце, запасную трусомайку и два замшевых кошеля. В одном хранились огниво и трут, в другом – имперские монеты, десять серебряных, две золотые и пара горстей медяков. В мешок же он сунул лютню. Инструмент сам по себе являлся немалой ценностью, но в него был также вмонтирован голопроектор-пугалка, а в грифе хранилось миниатюрное устройство для аварийной связи. Затянув суму и повесив ее на плечо, Тревелиян уставился на последний предмет, лежавший на диване, – цилиндр длиной с ладонь и толщиной в палец. То был лазерный хлыст, универсальный инструмент и страшное оружие в умелых руках. Тревелиян пользовался им с мастерством виртуоза.

Немного подумав, он сунул цилиндрик за отворот башмака и произнес:

– Ну, вот и все. Благодарю за яичницу и гостеприимство. Как у нас с лодкой дела? С этой «Серой полосой»?

– Проверка закончена. Все функции в норме. Заложить маршрут?

– Это не помешает. От Базы – к Архипелагу, затем через Жемчужное море к берегу Хай-Та. Место желательно побезлюднее.

– Приморский хребет подходит? Там практически нет селений, и ни китобои, ни ловцы жемчуга туда не плавают. Рифы, подводные скалы, стаи аппа...

– Аппа, – повторил Тревелиян, выходя из костюмерной. – Аппа – это акулы такие? Без костей и страшно прожорливые?

– Да, наблюдатель Тревелиян.

– Давай к Приморскому хребту. С таким расчетом, чтобы за день я добрался до какой-нибудь деревни. Лодку потом вернешь на Базу.

– Маршрут заложен, – сообщил компьютер, открывая двери лифта. – Счастливой дороги и удачной миссии, наблюдатель Тревелиян.

– Спасибо, старина.

Он спустился на третий, предпоследний ярус, в большое квадратное помещение, стены которого были выложены плитками бледно-зеленого нефрита. Плитки светились неярко, вполнакала, как и положено при частичной расконсервации по варианту «Б». В воздухе, у самых стен, горели надписи: «Ангар роботов», «Склады», «Транспортный сектор». Тревельян направился к последнему указателю, прошел под аркой в коридор, достаточно широкий, чтобы в нем развернулись два тяжелых скиммера, оглядел его и решил, что Базу строили с размахом. Иначе и быть не могло: в экономической системе Земли и сотен богатых колоний Фонд развития занимал почетное место в первой десятке приоритетов, сразу за пунктом о безопасности и обороне. Контурный межзвездный двигатель позволил странствовать на тысячи парсек, и человечество, расширяя свое присутствие в Галактике, все чаще обращалось к проблемам не столько практическим, сколь философским. Например, к такой: что оно может сделать для братьев по разуму, пребывающих в дикости и нищете, не ведающих о таких достижениях культуры, как стратолайнеры и медицинские импланты, компьютеры и роботы, генная инженерия и голофильмы. Экспансия в космос шла без помех, враждебные расы трепетали, дружественные с трудом скрывали зависть, и потому пришел черед благотворительности. Кроме цивилизованных друзей и недругов, в Галактике было полно бедолаг, еще не вылезших из каменного века или эпохи феодальных зверств, которые нуждались в срочной помощи. Отказать им в этом было бы негуманно; к тому же содействие их прогрессивному развитию повышало престиж человечества.

Но Тревельян, вообще-то склонный к размышлениям на этические темы, сейчас об этом не думал. Разыскав ангар под номером четыре, он осмотрел три лодки, стоявшие у бассейна с водой. Миниатюрные «скаты», рассчитанные на экипаж из трех человек, отличались только полосками на борту, серой, голубой и фиолетовой. «Серая полоса» была готова к плаванию: люк распахнут, кресла подняты, пульт переливается огнями, на голубом экране курсоуказателя – карта с проложенным маршрутом. Тревельян забрался внутрь, сел, бросил суму на соседнее кресло, поерзал, устраиваясь удобнее, и приказал:

– Двинулись, Серая полоска. Не торопясь, средним ходом.

Спешить ему в самом деле было абсолютно некуда: миссия могла занять шесть или восемь месяцев, а то и целый год. Возможно, больше. Никто не смог бы предсказать, когда она кончится и чем; за много веков история так и не сделалась точной наукой, хотя оперировала массой количественных оценок – порог Киннисона, индексы ДП, ТР, СР, мощность эстапа и тому подобное.

Лодка соскользнула в бассейн и погрузилась в темную воду. Вспыхнул прожектор, и в ярком пучке света перед Тревельяном возник выходной тоннель. Его отполированные лазером стены медленно поплыли назад, хищной пастью раскрылась диафрагма шлюза, проглотив суденышко, затем сдвинулся наружный щит, и солнечные лучи смешались со светом прожектора. Теперь он находился в осьерском океане, в его первозданных глубинах, в шестнадцати метрах от поверхности. Внизу лежал откос подводной горы, основание острова, заросшее густым лесом водорослей, с причудливыми существами, мелькавшими со всех сторон; вверху мерцала и переливалась морская поверхность и тоже что-то мельтешило – крохотное, с ноготок, окрашенное во все цвета радуги.

Скорость ощутимо возросла, в иллюминаторах потемнело – судно погружалось.

– Ты куда? – всполошился Тревельян.

– Крейсерская глубина – восемьдесят восемь метров, – звучным контральто сообщила лодка.

– Ты вот что, рыбка моя серая... Ты всплыви-ка на поверхность и открой верхний люк. Хочу на остров поглядеть.

– Выполняю.

Они поднялись, и Тревельян высунулся по пояс. На западе, в золотых песках пляжей и зелени пальм, виднелся остров, на востоке до самого горизонта простиралась морская гладь, и оттуда, с восточного края мира, задувал легкий ветерок. «Самая погода для успешной навигации!» – подумал Тревельян. Суда у китобоев с Архипелага надежные, пара тысяч километров для них не расстояние, могли бы с легкостью доплыть сюда, обосноваться на острове, а после двинуться на запад, к новому материку... Однако не плывут, не двигаются! Почему?

Не двигаются! Никак не желают двигаться! В этом был корень Осиерской Проблемы. Во всех других мирах, лежавших ниже порога Киннисона и, значит, допускаявших тайное вмешательство, всякий эстап приносил вполне ощутимые результаты. Эстап, или ЭСТП, элемент социального и технического прогресса, мог носить различные формы: это могла быть идея колеса или одомашнивания животных, мысль о полезности централизованной власти или проект ветряной мельницы, соображения, касавшиеся преимуществ ирригации или единобожия, постулат о том, что поедать своих сородичей неэтично, способ строительства каменных стен, производства стали, растительного масла или подсечно-огневое земледелие. Идея, подброшенная правильно и осторожно, всегда приносила плоды; цивилизуемые начинали жарить мясо на кострах, ткать холст, строить города, объединяя их в державу, или отправлялись в дальние походы, чтобы найти свободную для заселения территорию. Конечно, это требовало времени, разного в различных мирах, определявшегося мировоззрением, физиологией, общественным устройством того или иного народа, расы, племени, что интегрально отражалось в ДПИ, движущем пассионарном импульсе. Аналитики Фонда измеряли его в стобалльной шкале, где за сто был принят импульс монголов эпохи Чингисхана, а опорные точки проходили через цезарианский Рим, походы Александра Македонского, нашествие гуннов Атиллы, наполеоновские войны, покорение Америки и другие события того же ряда. При всех отличиях между примитивными инопланетными расами, не было среди них ни одной, чей ДПИ опускался бы ниже тридцати единиц, и это означало, что любая культура способна воспринимать новые идеи, то есть развиваться по восходящей под действием внешнего толчка.

Не было ни одной, кроме Осиера. При весьма высоких индексах социального и технологического развития, при высочайшей централизации власти, благоприятных природных условиях и культуре, соответствующей позднему Средневековью, это общество не сделало вперед ни шага. Ни к взлету Возрождения, ни тем более к эпохе ВГО, Великих Географических Открытий... Во всяком случае, за полтора столетия подсказок и намеков специалистов Фонда никакое новшество воспринято не было; пассионарный импульс Империи, десятков других государств и сотен варварских племен был равен абсолютному нулю. Компас, подзорная труба, переработка нефти в керосин, производство бумаги – все это кануло в пустоту, как и мысль о морском походе вдоль материка, от Княжеств Архипелага на востоке до Удзени и Островного Королевства на западе. При том, что во многих прибрежных державах имелся избыток населения, а также отличные суда, великолепные гавани и опытные мореходы! При том, что в Империи умели строить дворцы и крепости, каналы, акведуки, титанические стены и дороги по лучшим римским образцам. Еще умели шлифовать стекло, подогревать в бассейнах воду, производить предметы роскоши, ткать гобелены, делать прически и даже печатать книги – но только на пергаменте из рыбьей кожи. Кроме того, имелось множество изысканных искусств, от эротики и кулинарии до живописи, разведения садов и цветников, музыки, танца и тому подобного.

Однако новые идеи, способные подстегнуть прогресс, не прививались в этом мире и даже, возможно, гасились вполне сознательно, представляя опасность сложившемуся порядку. Порядок держался на власти Империи, так что гипотеза о ее негативной роли приобретала все больше сторонников в Фонде и в осиерской экспедиции. Разумных решений

этой проблемы не просматривалось, ибо ни одна из держав на севере, западе и востоке не могла подорвать имперского могущества, и если бы даже возникла жизнеспособная коалиция, попытка справиться с Империей означала бы войну. Не просто войну, а кровавое затяжное противоборство, которое длилось бы несколько десятилетий, нарушило стабильность на всем континенте и унесло миллионы жизней. Это был худший и совершенно неприемлемый из всех возможных исходов.

На Земле великие империи рушились под напором варваров, но на Осиере данный вариант, казавшийся вполне естественным, не проходил. Варвары севера были слабы и малочисленны, а с южными племенами Империя обращалась так ловко, с таким политическим искусством, отработанным веками, что вопрос об их агрессии не возникал. Кроме того, варварское нашествие было ничем не лучше войны с союзом цивилизованных стран – скорее, много хуже, ибо результатом стал бы упадок древней высокоразвитой культуры. Так что если Империя сопротивлялась новациям Фонда, то справиться с ней насильственным путем было никак нельзя.

Наконец земные эксперты решили, что феномен Осиера определяется факторами геополитическими, особыми природными условиями, позволившими одной из рас – в данном случае центрально-континентальной, или имперской, – добиться преимущества и удержать его на протяжении тысячелетий. Но если Империя и в самом деле являлась тормозом прогресса, то выход из тупика виделся в той же геополитике, в особенностях расположения суши и вод, в миграции народов на незанятые земли и зарождении новых государств. Так возник эстап Гайтлера, включавший вбрасывание информации о шарообразности планеты и о проверке этого факта морской экспедицией. Поход в другую половину мира был вполне реален, так как огромных водных пространств, сравнимых с Тихим океаном, на Осиере не имелось. Любая страна Пятипалого моря или Архипелага была способна отправить флотилию на восток, которая, преодолев четыре тысячи километров, достигла бы нового, доселе неведомого материка. То же самое могли бы сделать западные страны, Шо-Инг, Запроливье, Островное Королевство и другие, но их кораблям пришлось бы проплыть семь тысяч километров – что, однако, было задачей посильной при существующей технике мореходства и кораблестроения. Далее, как полагали Гайтлер и члены его группы, на новый материк ринутся все недовольные, авантюристы, воры, обнищавшие дворяне, безземельный люд – то есть дело пойдет по земному и хорошо известному сценарию. Появятся новые страны, новые, более мобильные общества, восприимчивые к переменам, жаждущие могущества и, возможно, победы над старым континентом; возникнет противовес Империи, что сдвинет ситуацию с мертвой точки.

Этот эстап, самый масштабный за время изучения Осиера, был внедрен, после чего историки удалились, а База была законсервирована. Временной радиус событий, рассчитанный для эстапа Гайтлера, составлял пятьдесят лет; за этот период, как предполагалось, на Осиере произойдут заметные сдвиги, идея шарообразности мира распространится повсеместно, корабли достигнут западного материка, и там появятся первые поселения. Это и должен был проверить Ивар Тревельян, социоксенолог и один из опытнейших наблюдателей Фонда. В том случае, если результаты опять равны нулю, перед ним ставилась задача по выяснению причин такой удивительной пассивности.

Полубоавшись островом, он опустил в кресло, велел захлопнуть люк и двигаться ближе к поверхности, в том слое, куда проникали солнечные лучи. Суденышко шустро помчалось на запад, а Тревельян, попивая сок и жуя концентраты из корабельных запасов, принялся изучать морскую фауну и расспрашивать лодку обо всем непонятном. Этому занятию он посвятил время до заката, наступившего рано – сутки на Осиере составляли около двадцати двух земных часов. К вечеру он заскучал, ибо лодка была плохим попутчиком – шуток не понимала и вела беседу исключительно на темы ихтиологии. Не активировать ли

призрак-имплант? – мелькнула мысль, но это дело он решил отложить до твердой суши. Потом устроился в кресле поудобнее и заснул.

Утром они достигли Архипелага. То была цепочка крупных островов, лежавших напротив страны Хай-Та и отделенных от нее небольшим Жемчужным морем. На севере, за вытянутым лезвием меча полуостровом, простиралось море побольше, глубоко вдававшееся в континент пятью заливами и названное по этой причине Пятипалым. Кроме Хай-Та, к нему выходили еще три страны – Этланд, Манкана и Гзор. Место было оживленное, так что Тревельян предпочитал высадиться на диком побережье за Жемчужным морем.

Жемчужных отмелей тут было преизрядно, но промышляли на них только люди из Хай-Та. Жители Архипелага, относившиеся к той же восточной расе, хайтасцев не уважали, считая их презренными пожирателями моллюсков. Сами они помаленьку пиратствовали в прибрежных водах, а в океане охотились на китов – огромных морских тварей, превосходивших величиной земные аналоги. Эти киты были двоякодышащими и, кроме легких, имели жабры, рыбий пузырь и все остальное, что полагается, а потому могли оставаться под водой несколько часов. Охота на них была тяжелым и опасным промыслом. Тревельяну захотелось взглянуть на корабли местных китобоев, и он велел выпустить робота-«шмеля», маленький летающий перископ. Минут через двадцать тот отыскал флотилию из пяти трехмачтовых судов, идущих под парусами. Корабли были высокобортными, с прямым парусным вооружением, с высокими надстройками на корме и носу – более крупные и надежные посудины, чем каравеллы Колумба. Чего им не хватало, так это духа великого генуэзца. Их капитаны не испытывали тяги к открытию земель и шли не на восток, а на север – то ли по пути миграции китов, то ли в Пятипалое море, где можно было половить другую рыбку, зазевавшихся купцов и мореходов.

Лодка вошла в пролив между двумя островами, «шмель» поднялся на пару сотен метров, и приникший к обзорному экрану Тревельян увидел прибрежные деревушки, хижинки из соломенных матов, лодки с рыбаками у берега и стадо похожих на свиней животных, пожиравших водоросли на отмели. Затем появились строения повыше и покрупней, вероятно обитель местного феодала. Целое городище из стоявших торчком бревен, а рядом – причал, тоже бревенчатый, с двумя довольно большими кораблями. За этой пристанью лежала на береговой гальке огромная китовая туша, и десятки людей с топорами и устрашающего вида секачами ползали по ней, рубя в плоть морского гиганта.

– Время промысла? – спросил Тревельян.

– Да, – подтвердила лодка. – Осиерские киты мигрируют по кольцу: от Архипелага – на восток, в пролив между двумя западными континентами, потом, огибая нижний континент, на юг, на запад и на север, снова к берегам Архипелага. На карте это выглядит так...

– Подробностей не надо. – Тревельян задумчиво уставился на кита, чьи чудовищные ребра уже белели среди пластов розоватого мяса. – Значит, киты проходят мимо Архипелага и поворачивают на восток... Скажи-ка, были попытки отправиться на корабле следом за ними?

– За все время наблюдений не зафиксировано.

– Это как-то объясняется?

– Выловленных животных достаточно для пропитания и торговли мясом, жиром и китовым пузырем. Если ловить больше, не хватит рук для их переработки.

– По данным, с которыми я ознакомился, население Архипелага увеличивается, – заметил Тревельян.

– Да, но с темпом воспроизводства одна целая и три тысячных. Часть мужчин гибнет на охоте и в пиратских набегах.

Они вошли в узкое Жемчужное море. Его северный берег с полуостровом-мечом простирался на пять сотен километров и был отлогим, со множеством удобных для поселения

заливчиков и бухт; на юге вставала громада Приморского хребта, вторгавшаяся в океан другим полуостровом, похожим формой на широкий коготь. За ним, в районе экватора, тянулось море Травы – огромный, заросший водорослями эстуарий, примыкавший к зоне саванн и тропических лесов. Насколько было известно Тревельяну, мореходы в те края не плавали.

Лодка пересекла море за пару часов. Был полуденный час, когда суденышко приблизилось к безлюдному берегу, над которым нависали скалы, переходившие в заросший субтропическим лесом горный склон. Отозвав «шмеля», Тревельян велел подняться на поверхность и высунулся в люк, разглядывая горы, скалы и огромные деревья, корявые и разлапистые, с веерами длинных зеленовато-серых листьев. Пальмовые дубы, всплыло в памяти. Дают орехи и ценную древесину.

– Осторожнее, – предупредила лодка. – Стая аппа.

– Акулы?

– Да. Очень подвижные.

Внезапно рыбыны величиной с барракуду окружили их. Зубастые пасти, бахрома многочисленных плавников, круглые неподвижные глаза... Они были стремительными и гибкими и мчались за лодкой без труда, по временам выпрыгивая из воды и пролетая в воздухе несколько метров. Скелета как такового у этих тварей не имелось, только хрящи, не уступающие прочностью пластику. Несмотря на свои небольшие размеры, они могли справиться с китом и перевернуть рыбачий баркас.

Аппа преследовали лодку до самых скал, пока она не выползла на берег, втиснувшись между двух валунов. Тревельян вылез, повесил на плечо мешок, хлопнул ладонью по закрывшемуся люку.

– Спасибо, Серая... Можешь отправляться назад.

– Выполняю, – раздался приглушенный корпусом голос.

Задним ходом лодка передвинулась в воду, поплыла, окруженная быстрыми юркими телами акул, и с тихим плеском исчезла в глубине. Тревельян стоял, провожая ее взглядом. Теперь он остался один на один с планетой Осиер, без защиты земной техники, без могущества, которое давали человеку роботы, межзвездные крейсера, почти разумные компьютеры, силовые поля и молекулярные деструкторы. Но это его не беспокоило. В такой ситуации он был не первый раз.

Бросив последний взгляд на море, он повернулся к нему спиной и полез по камням вверх, туда, где зеленели пальмовые дубы, звонко пищали птицы и носились по ветвям какие-то мелкие зверюшки, местные белки, или древесные кролики, умевшие скакать не хуже белок. Поднявшись метров на двести, он добрался до лесной опушки и уже хотел войти под сень оплетенных лианами деревьев, но вдруг остановился, дернул свои бакенбарды и пробормотал:

– Призрак, святая Галактика! Забыл, совсем забыл! А дед наверняка обидится!

Чтобы включить имплант в виске, требовалось мысленное усилие. Тревельян напрягся, и под черепом тут же прозвучал знакомый голос:

«Черт подери! Сгноить меня хочешь, парень? Паршивец трахнутый! Чтоб тебе больше на бабу не влезть! Чтоб тебе водкой подавиться! Чтоб реактор под тобой взорвался! Чтоб...»

– Дед, – вслух сказал Тревельян, – послушай, дед! Я ведь уже объяснял, что нет у нас ни водки, ни реакторов. Какие еще реакторы, если мы по Лимбу на контурном двигателе летаем! Пьем же исключительно вина да соки и с женщинами скромны до невозможности – во всяком случае, я. Может, успокоишься?

Но дед успокоиться не захотел и сыпал проклятиями еще минут десять.

Глава 2

ПОБЕРЕЖЬЕ ЖЕМЧУЖНОГО МОРЯ

Дед и призрачный Советник Тревельяна, исполнявший обязанности секретаря-регистратора, был тем еще фруктом. Собственно, не дед, а далекий пращур, но, как утверждал Всепланетный генетический архив, Тревельян являлся его прямым потомком в девятнадцатом или двадцатом колене. Олаф Питер Карлос Тревельян-Красногорцев, десантник и командор Звездного флота, пять веков назад совершил немало подвигов, был отмечен всевозможными наградами и пал смертью храбрых в возрасте девяноста двух лет, командуя крейсером «Паллада». Погиб он в том знаменитом сражении в секторе Бетельгейзе, когда три земных крейсера разгромили флотилию дроми, доказав агрессорам и всей Галактике, что среди звезд появилась новая, могучая, воинственная и хорошо вооруженная раса. Но до славы своей гибели старик летал и дрался более семи десятилетий, неоднократно горел и замерзал, командовал десантами, был ранен восемь раз и женат четырежды – словом, накопил огромный опыт, и потому его личность сохранили в памятном кристалле. Как всякий наблюдатель Фонда, которому предстояли долгие странствия в одиночестве, Тревельян мог взять или не взять с собой Советника и, по зрелом размышлении, решил, что призрак ему не помешает. А если уж кого-то выбрать, то, разумеется, предка, кровно близкую персону и к тому же в прошлом человека бывалого и решительного. Хотя временами дед был крутоват и заворачивал по-командорски, пользуясь ненормативной лексикой.

Высказав все, что накипело, он наконец утихомирился и обозрел пейзаж. Подобно любому призраку-импланту, он состоял в ментальной связи со своим носителем, в данном случае – с Тревельяном, и мог использовать его глаза, органы слуха, вкуса, обоняния и даже в некоторой степени тактильный аппарат. Иногда это создавало для Тревельяна определенные трудности, но в общем и целом они уживались неплохо.

Осмотревшись, командор резюмировал:

«Приятная планетка этот Осиер. И горы тут подходящие. Вон в той, с тремя зубцами, я разместил бы командный бункер, на вершине – ракеты ближнего удара, а батарею плазменных метателей закопал бы...»

– Дед, мы с дроми уже не воюем, – прервал его Тревельян. – И хапторов мы победили, и кни'лина. У нас, в общем-то, мир. Нынче мы милосердны.

«Хочешь мира, готовься к войне, – мудро заметил старик. – Ну, вам, потомкам нашим, милосердцам недоделанным, виднее... Куда сейчас направимся?»

– К дороге, – отозвался Тревельян, забираясь в лес. – Пройдем перевал и спустимся к дороге. Она тянется у горных отрогов, а затем поворачивает вдоль берега. Не имперский тракт, но все же... Доберемся до какой-нибудь рыбацкой деревушки, и получится, что я пришел с запада. Скажем, окружным путем из Рори.

Лес, хоть и субтропический, был вполне проходим – пальмовые дубы глушили подлесок. Мощные неохватные стволы серо-фиолетового оттенка уходили вверх, распадались на шесть, восемь, десять стволов поменьше, а те уже обрастали ветвями, листьями и гроздьями орехов величиной в два кулака. Это был верхний ярус лесного мира, с которого зеленым дождем струились вниз лианы с огромными белыми и розовыми цветами, сыпались сухие листья, кусочки коры и пустая ореховая скорлупа. Очевидно, здесь орехи ели все от мала до велика, но если малые были заметны, и птицы, и лазящие зверьки, то ничего по-настоящему великого не попадалось. Самой внушительной фигурой оказался двухметровый змей, встопорщивший при виде Тревельяна поросль колючек на хребте. Выглядел он грозно, и Тревельян его обогнул.

«Рори – это что такое?» – любопытствовал командор, наскучив молчанием.

– Столица Хай-Та. Мы туда попадем, но сначала заглянем в Бенгод, порт на Жемчужном море. Оттуда начинается имперская дорога на восток.

Солнце стояло в зените, и под кронами дубов разливались жара и духота. Тревельян вспотел, но стащить пончо не решился – в воздухе мельтешили насекомые не самого приятного вида. Крови его как будто не домогались, но кто их знает...

«Хай-Та... – протянул призрак. – Что-то приличное?»

– Отнюдь. Краина здешнего мира, захудалое королевство. Горы, леса, жемчужные отмели, жаркий климат... В самом деле жарко, дьявол!

«Разве здесь жара, мальчуган? Это не жара, а так, теплая банька. Вот когда кни'лина, сучьи морды, подбили «Свирепого» и я горел на мостике...» – Командор смолк, погрузившись в давние воспоминания, потом очнулся и заметил: – Говоришь, захудалое королевство этот Хай-Та? И что тебе надо в такой дыре? В том же Бенгоде?»

– Справки кое-какие наведу, – сказал Тревельян, ровным шагом поднимаясь к перевалу, до которого осталось не больше двух километров. Он смахнул пот со лба и, не замедляя шага, вытащил флягу и прополоскал горло. В общем-то зной, духота и пешая ходьба не вызывали у него особых возражений. К походным тяготам он был привычен, как и к неприятностям, связанным с этим способом передвижения.

И потому вовремя почувствовал, что за ним наблюдают. Чувство было ментальное, надежное, и ясно ощущалось, что взгляды, коловшие со всех сторон, не слишком доброжелательны. Так, словно кто-то оценивал его с гастрономической точки зрения.

Надо уйти из-под деревьев, подсказал инстинкт. Повинуясь ему, Тревельян выбрал прогалину, где дубы росли не слишком густо, вытащил из башмака лазерный хлыст и огляделся. В древесных кронах посверкивали злые маленькие глазки, маячили поросшие рыжей шерстью тела, а временами сверкали зубы, желтые и очень внушительной величины. Слышались также шорохи, негромкое, но угрожающее верещание, а ветер доносил гнилостный запах.

– Познакомимся? – предложил Тревельян, морщась от этого аромата. – Я ничего плохого вам не сделаю. Клянусь тепловой смертью Вселенной!

Ветка качнулась, и на землю прыгнул один из наблюдателей – видимо, вожак.

Существо, появившееся перед Тревельяном, было трудно назвать пародией на человека – скорее, то была пародия на обезьяну. Конкретно, на шимпанзе, ростом немного больше метра, но с могучими мышцами рук, плеч и бедер, которые делали эту тварь почти квадратной. Шкура была рыжей, клочковатой и густой, вдоль шеи и спины топорщилась грива, но главным отличием от земного аналога являлись челюсти, снабженные такими клыками, что им позавидовал бы саблезубый тигр. Запах от этого монстра шел ужасающий.

– Пц, пц-пц! – проверещало существо, делая шаг к Тревельяну.

– Знаю, что ты пац, только ближе не подходи, – сказал тот, отступая. – Амбре, знаешь ли, у тебя убийственное.

– Пц! – подтвердил вожак, разевая пасть и демонстрируя клыки.

По характерному верещанию этих тварей здесь называли пацами. Как помнилось Тревельяну, изучившему по записям животный мир Осиера весьма подробно, пацы были всеядными наподобие медведей и кабанов, ели все от орехов и фруктов до червей и гусениц, и мясом отнюдь не брезговали. Взрослый пац был гораздо умнее и опаснее волка, и, как и волки, они являлись животными стайными. Тем не менее их ловили, приручали и таскали по городам и селениям для забавы, в караванах бродячих циркачей.

Вожак пристально поглядел на Тревельяна и облизнулся. Его сородичи ссыпались с ветвей – мощные самцы, крепкие мускулистые самки и целая прорва детенышей. Воняли все они одинаково отвратно. Тревельян, привыкший ко многому, сморщился еще сильнее.

– Может, договоримся? – сказал он. – Я своей дорогой пойду, вы – своей. Обрато на деревья, к вкусным орешкам.

– Пц-пц! – быстро произнес вожак, и это явно означало: нет, не договоримся! Ты, братец, повкусней орешков будешь!

В стае, окружившей Тревельяна, было десятка три взрослых пацев, способных разорвать его в мгновение ока. Собственно, это они и собирались сделать.

«Ну и мерзкие хари! – раздался ментальный голос командора. – Чего ты ждешь, внучок? У тебя же лазерный меч! Нашинкуй отбивных из поганцев!»

Но устраивать бойню Тревельяну не хотелось. Сунув хлыст за пояс, он вытащил лютню и дернул струны определенным образом, включив голопроектор. Аккорд номер три, для преобразования в пламя... Сейчас он представлялся четвероруким хищникам в виде бушующего огня, пусть не жаркого, не палящего, но страшного видом; иллюзия была достаточно реальной, чтобы в нее поверили и зверь, и человек. Скрытый огненными оранжевыми языками, что поднимались выше головы, Тревельян шагнул к вожаку и рявкнул:

– Этого хватит, вонючка рыжая? Или тиранозавра изобразить?

Заскулив, пац метнулся к дереву. Его воинство разбегалось; самцы ударили первыми, за ними – самки, схватившие детенышей. Несомненно, они знали, что такое огонь.

«Я бы им все же кровь пустил, – заметил командор. – Для острастки! Чтоб уважали! Люди мы или не люди?»

«Люди», – мысленно ответил ему Тревельян и, не выключая миража, полез на перевал. Миновав седловину, он избавился от огненного обличья. Пологий склон горы тянулся вниз, большие деревья тут уже не попадались, а торчали камни, заросшие кустарником и багровым мхом, поднимавшимся до колена. Но на прибрежной равнине, что лежала к северу, опять курчавились необозримые леса, уходившие к границе с Этландом, где чащ и дебрей было не меньше, чем в Хай-Та. Скорее всего, даже больше.

Тревельян спускался быстро, высматривая дорогу, которая, по данным Фонда, проходила между предгорьями и лесной опушкой. То был не широкий благоустроенный имперский тракт, а магистраль местного значения, протоптанная, скорее всего, охотниками из ближайших деревень. Но хайтасцы, кормившиеся в основном дарами моря, к охоте были равнодушны, так что дорога за пятьдесят лет могла исчезнуть начисто.

Но все же Тревельян ее нашел, не столько дорогу, сколько тропу, бежавшую вдоль лесной опушки. Этот факт подтверждал, что специалисты Базы даром хлеб не ели и картам их можно довериться даже через половину столетия. Трудно было ожидать иного; Фонд развития инопланетных культур являлся слишком серьезным предприятием.

ФРИК прогрессировал именно культуры, так как это понятие шире цивилизации; скажем, можно говорить о культуре неолита, хотя ее представителей цивилизованными не назовешь. Идея помощи инопланетным расам зародилась в глубокой древности, еще в двадцатом веке, и первый импульс ей дали не философы, не представители точных наук и, конечно, не политики, а писатели-фантасты. В современном мире Тревельяна Ивана Ефремова, Лема и братьев Стругацких рассматривали как великих гуманистов, намного опередивших свою эпоху; собственно, их предсказания, выраженные в художественной форме, легли в основу деятельности ФРИК. Но, разумеется, с существенными поправками. Киннисон, один из основателей Фонда, доказал (сначала теоретически, а затем на практике), что положительный эффект внешнего воздействия может быть достигнут только в рамках культур, не перешедших некоего порога. Эта граница лежала в позднем Средневековье, когда географические представления о мире еще неясны, когда влияние религии огромно, когда капитал, машины и скорострельные пушки еще не начали своего победного шествия. Помогать без большой крови удавалось лишь обществам на дотехнологической стадии, еще не вступившим в эпоху Великих географических открытий, не поделившим земли и источники сырья в

планетарном масштабе, не имеющим иного транспорта, кроме паруса, лошади и собственных ног. Любое тайное или открытое вмешательство в технологически развитую культуру давало негативный результат, который варьировался от всепланетной войны с десятками миллионов погибших до полного разрушения экологии, с регрессом немногих выживших в троплодитов. В технологическом и даже предтехнологическом обществе конкуренция между державами и их владыками уже настолько велика, что всякий эстап, казалось бы, абсолютно невинный, обращается к военным нуждам либо к достижению экономического превосходства – что, в свою очередь, ведет к порабощению соседних стран. Стремление к общепланетному господству обостряет все противоречия, религиозные, расовые, национальные, и жизнь мира в подобный момент зависит лишь от мощности оружия: меч ли это или атомная бомба и смертельный вирус. Во времена Киннисона Фонд попытался прогрессировать три гуманоидные расы, достигшие уровня девятнадцатого века Земли, но больше такие попытки не повторялись. Миры, погубленные вмешательством извне, были переименованы, и даже Тревельян, социоксенолог, не помнил прежних их названий. Зато нынешние сидели в памяти гвоздем: Ледяной Ад, Горькая Ягода и Рухнувшая Надежда.

С той поры Фонд научился многому и не допускал ошибок ни в большом, ни в малом. Взять хотя бы эту дорогу... Есть на карте – и значит, есть в реальности.

По расчетам Тревельяна, он, лазая по горам, не слишком удалился от морского берега – очевидно, на четыре-пять километров. Ренур, местное солнце, стоял еще высоко, была середина Дня. Не дня вообще, а времени суток, которые во всех цивилизованных странах Осиера делились на пять периодов: Восход – с семи до десяти утра, Полдень – с десяти до четырнадцати, День – с четырнадцати до восемнадцати, Закат – с восемнадцати до двадцати одного. Остальные восемь часов занимала Ночь. Более мелкие доли времени здесь обозначались как середина и четверть; с одной стороны, не очень точно, с другой, осьерцев это устраивало. Они никуда не торопись, а меньше всего – в эпоху технической революции.

Середина Дня – четыре часа по земному счету. Тревельян полагал, что еще до начала Заката он выйдет к какой-нибудь деревушке.

Так оно и получилось. Вскоре он услышал плеск волн, затем тропа резко свернула к северу и сделалась шире, постепенно превращаясь в хорошо утоптанную грунтовую дорогу. Слева от Тревельяна по-прежнему зеленела лесная чаща, а справа были уже не горы, а ровный, усыпанный галькой откос и лазуритовая даль Жемчужного моря. В ней темнели пироги; одни шли под парусом, к другим, застывшим на месте, то и дело поднимались ныряльщики, перебрасывая через борт сетки с раковинами. Берег был изрезан бухтами, их разделяли то невысокая скала, то нагромождение камней или мыс, протянувшийся на сотню-другую метров, и дорога отклонялась и петляла, обходя препятствия. Наконец за очередным поворотом открылся залив побольше тех, что встречались прежде, пальмовая рощица, причалы с лодками, а между рошей и причалами – два десятка аккуратных бревенчатых домиков, навесы, сараи и сети, растянутые для просушки.

На мелководье у берега бродили двое мальчишек с острогами. Увидев Тревельяна, они застыли точно пара изваяний из красноватой меди, затем помчались к берегу, размахивая своими орудиями, подпрыгивая и вскрикивая от избытка чувств. «Хотят напасть?..» – подумал Тревельян, но тут же понял, что ошибается: его приветствовали.

– Т-ты... т-ты правда рапсод? – заикаясь, спросил один из мальчуганов. У обоих брови были необычайно густыми, а мочки ушей оттянуты почти до плеч.

– Рапсод, – ответил Тревельян на восточном диалекте. – Рапсод из Братства Рапсодов, и зовут меня Тен-Урхи. Я иду из...

Но его не дослушали. Пареньки помчались по дороге в деревню, подпрыгивая еще выше и вопя в две глотки: «Рапсод! К нам пришел рапсод! Его имя Тен-Урхи! Настоящий рапсод из Семи Провинций! Тен-Урхи!»

Империю часто называли Семью Провинциями. Двойное имя Тревельяна и его внешность, бакенбарды, темные волосы и пигментные пятна под глазами, были свидетельством того, что он появился на свет в центре материка, у пресного моря Треш. Видимо, люди континентальной расы, да еще певцы, были не частыми гостями в этой деревушке.

Он вступил на небольшую площадку между домами. Люди сбегались со всех сторон – женщины, ребятишки, старики. Мужчин почти не видно, отметил он, – надо думать, промышляют в море.

Вперед выступил старик. Одежды на нем, как и на других жителях, было немного – кусок зеленой ткани, обернутый вокруг бедер, да ожерелье из рыбьих костей и птичьих перьев.

Старец сделал ритуальный знак – описал кружок у сердца. Тревельян ответил тем же.

– Да будут милостивы к тебе Трое, Тен-Урхи! Я разделяю твое дыхание.

– А я – твое, – ответил Тревельян.

– Ты устал? Ты голоден? Ты хочешь пить?

– Устал, голоден и хочу пить.

Его не спросили ни о цели визита, ни о том, откуда он пришел и куда направляется. В рыбацких общинах Хай-Та были свои понятия, как встречать чужестранцев.

– Меня зовут Вашшур, – сказал старик. Затем, коснувшись плеча стоявшего рядом пожилого мужчины, представил его: – Это Нухассин, мой друг и помощник. Эй, женщины! Вы слышали, что сказано гостем, посланным нам богами? Он устал, он голоден, он хочет пить!

Не прошло и трех минут, как Тревельян уже сидел на циновке под пальмами, перед ним стоял котелок с варевом из моллюсков и рыбы, горой лежали орехи и фрукты, в кувшинчике плескался сок, разбавленный водой. Вашшур и Нухассин сидели напротив, время от времени прикладывались к своим кувшинчикам и развлекали гостя беседой. Остальные обитатели деревни столпились шагах в двадцати, взирая на Тревельяна с интересом и почтением.

На земной взгляд, они были не очень красивы. Типичные представители восточной расы: удлиненные мочки ушей, красноватая кожа, необычайно густые брови, затеняющие глаза, непривычный цвет волос, почти белесый, отчего все они, и юные, и старые, выглядели поседевшими. Волосы на голове тоже были густыми, но короткими, и росли на темени и затылке, оставляя открытым лоб. Самой странной деталью их лиц являлся нос, крупный, с утопленной вглубь носовой перегородкой, отчего казалось, что у некоторых из них только одна ноздря. Впрочем, их внешность не удивляла Тревельяна; готовясь к своей миссии, он провел много часов в гипнотическом трансе, поглощая знания об Осиере. Про этих людей он знал больше, чем они сами знали о себе. Например, то, что живут они не дольше шестидесяти лет и что мощные легкие и выпуклая грудная клетка делают их превосходными ныряльщиками.

– Ты пришел, и это доброе предзнаменование, – произнес Вашшур.

– Да, доброе, – подтвердил Нухассин. – Лов будет удачным.

– Надеюсь, что так, – кивнул Тревельян, налегая на ароматное варево. После прогулки в горах он сильно проголодался.

– Люди Высокого и люди Светлого Дома – те, что в Бенгоде, – хотят голубой жемчуг. А это большая редкость! – сказал Вашшур.

– Редкость, – согласился Нухассин. – За год мы набираем вот столько, – он сложил пальцы горстью, – но думаю, что теперь будет больше. Конечно, если ты споешь нам волшебную песнь.

– Спою, обязательно спою, – пообещал Тревельян, доедая рыбу и тающих на языке моллюсков. Вероятно, речь шла о дани или налоге; Высоким называли правителя Хай-Та, а

Светлым Домом – императора. Их люди, сидевшие в Бенгоде, были не иначе как налоговыми чиновниками.

Он поднял кувшинчик, оглядел его и выпил прохладного кислого сока. Вашшур и Нухассин вежливо приложились к своим сосудам. Быт в их деревне был прост, но отнюдь не примитивен: хижины из вкопанных торчком бревен выглядели прочными и вместительными, котелок из бронзы украшен чеканным орнаментом, глиняные кувшинчики имели изящную форму, а циновка, на которой сидел Тревельян, была искусно сплетена из тростника. Признаки древней культуры, которая, по мнению археологов Фонда, проводивших тайные раскопки, датировалась двумя-тремя тысячелетиями.

– Я иду из Рори в Бенгод, – сообщил он, приступая к фруктам. По вкусу плоды походили на сливы, а по виду – на апельсин. Во всяком случае, кожура у них была оранжевая.

– Из Рори в Бенгод... – повторил Вашшур. – Но ты выбрал плохую дорогу, Тен-Урха! Дорогу между лесом и горами, которой редко ходят. Лучше было бы идти по тракту, который выложен ровными камнями.

– Но тогда я не попал бы к вам, Вашшур. Кроме того, у плохой дороги есть свои преимущества. – Тревельян стер с губ фруктовый сок. – Она безлюдна, и никто не мешает сочинять новые песни. А это дело требует уединения.

– Конечно, конечно, – старик закивал. – Люди твоего Братства угодны богам, и грозный Таван-Гез, Заступница Таванна-Шихи и вечно юный Тавангур-Даш охраняли тебя на этом пути. Наверное, ты сочинил много песен?

– Кое-что есть, и сегодня вы их услышите. Но главную песню – может быть, даже сказание – я сочиню в Бенгоде.

Нухассин поморщился.

– Там слишком много народа. Уединение в Бенгоде слишком дорогой товар.

– Кроме уединения мне нужны новые вести, новые мысли и новые слова. – Тревельян погладил живот в знак того, что насытился. – Я слышал, что какие-то люди – может быть, из Хай-Та или Этланда, может быть, с Архипелага – плавали на восток. Слышал, что они пересекли океан на своих кораблях и вернулись обратно. Еще слышал, что они нашли за океаном новую землю. Если это правда, я сложу о них сказание.

Вашшур и Нухассин переглянулись с недоумением.

– Наши ловцы жемчуга бывают в Бенгоде, но ни о чем подобном им не говорили, – сказал старик. – Плавать далеко в океан... Разве такое возможно! Там нет никаких земель, но если долго плыть, корабль наткнется на Оправу Мира. А это Таван-Гезу не понравится!

– Совсем не понравится, – поддакнул Нухассин.

Тревельян разочарованно вздохнул. Нет слухов о дальних плаваниях в океане... Печально, очень печально! Разумеется, он соберет информацию не только в этом селении на краю света, но и в больших портовых городах востока и запада, в имперских провинциях и в столице. В конце концов, что знали о плавании Колумба в Китае семнадцатого века или, предположим, в дебрях финских лесов?.. С другой стороны, Хай-Та не Китай и не страна Суоми, а держава, близкая к центру событий... если бы такие события состоялись.

Снова вздохнув, он произнес:

– Не уверен, что на восток плавали недавно. Может быть, десять или двадцать лет назад... Поэтому я все же пойду в Бенгод и постараюсь разузнать там что-то определенное.

– Тебе не надо идти в Бенгод, – сказал Вашшур. – Уже время Заката, и скоро вернутся пироги с нашими мужчинами. Останься здесь на Ночь, а утром я прикажу, чтобы тебя отвезли в Бенгод под парусом. Если отправиться в середине Восхода, то ты попадешь туда к началу Дня. Дорога морем легче, чем по суше.

Тревельян подумал и согласился. Потом достал из мешка свою лютню, настроил ее и начал петь. Пел он до тех пор, пока не вернулись с моря ловцы жемчуга и не взошли в небесах

альфа и бета Апеллеса, известные в этом мире как Ближняя и Дальняя звезда. Песни он пел не свои, чужие, но были то баллады Удзени, Торе, Шо-Инга и Островного Королевства, земель западных и столь далеких, что в этой деревне о них даже не слышали.

* * *

Утром он отправился в Бенгод на пироге с балансиrom и высокой мачтой с косым парусом. Сопровождали Тревельяна шестеро парней, и всю дорогу он то пел им песни, то расспрашивал, не ходят ли в их краях какие-нибудь слухи о путешествиях в Восточный океан и лежащих за ним землях. Но молодым рыбакам ничего об этом не было известно.

Может быть, план Гайтлера все же сработал, но экспедиция была секретной? Если Империя не поощряла исследование мира, а восточные страны не хотели нажать неприятностей, то такой вариант не исключался. И десять против одного, что это дело провернули Княжества Архипелага, а не континентальные державы. Во-первых, у Княжеств лучше корабли, во-вторых, они расположены совсем на отшибе, дальше от Империи, чем Хай-Та, Этланд и другие королевства Пятипалого моря, а в-третьих, кому же свершать открытия в океане, как не пиратам и китобоям! Конечно, им нужен финансовый стимул, но разве новые земли не сокровище? Не потому, что там можно вырастить пальмы или откопать в горах золото-серебро, а по причине более веской: в новой земле капитан – король, его помощник – герцог, а самый распоследний юнга – дворянин. Новые земли – это новые державы, и власть в них будет принадлежать тому, кто их откроет. «Разве не заманчивый пряник?..» – думал Тревельян. Он почти уговорил себя, что экспедиция состоялась, что тайные плавания через океан идут не первый год и что на Западном материке уже построены форты и даже, может быть, распаханы под их стенами огороды. Конечно, висевшие над планетой спутники такого не зафиксировали, и сам он, облетая Осиер, ничего не увидел, но многое ли разглядишь с орбиты, если поселок запрятан в девственном лесу!

Он сошел на пристань в Бенгоде с твердым намерением провести расследование. Все тайное рано или поздно становится явным, но еще до этого начинают циркулировать слухи и сплетни, легенды и байки моряков, а где к ним лучше приобщиться, как не в портовом городе. Бенгод являлся именно таким местом, поскольку в нем была сосредоточена транзитная торговля между Архипелагом и странами Пятипалого моря. В его гавани теснились суда, берег был одним сплошным причалом, а дальше стояли мощные бревенчатые склады для товаров, лавки и конторы купцов, кабаки и таверны, постоянные дворы и маленькие храмы, в которых каждый мореход мог отмолить грехи перед рейсом. За этими портовыми районами, шумными, вонючими и грязными, заваленными рыбой чешуей, крабьими панцирями, ломаными гниющими бочками, ящиками и корзинами, остатками рваных канатов и парусов и бог знает чем еще, начинался собственно город: небольшая крепость на холме, казарма, дома наместника, чиновников, торговцев и мастеров побогаче, владевших верфями, кузницами, лесопилками, парусными мастерскими и производствами по выделке рыбьей кожи и переработке китового пузыря. Здесь было заметно почище, и здесь стояли государственный храм Трех Богов, высокая сигнальная башня с барабанами и трубами для передачи сообщений и цирк, где выступали бродячие актеры. Все из дерева, ибо Хай-Та являлся лесной страной, а срубить дерево много легче, чем выломать и обтесать камень.

Тревельян побродил по городу, пока не истекло время Дня. Тут особых знаков почтения, как в рыбацкой деревушке, ему не оказывали, и никто не говорил, что хочет разделить с ним дыхание. Бенгод являлся местом торговым, и нравы в нем были не патриархальные, а соответствующие городскому назначению; без монет здесь ни похлебки, ни вина не наливали и не пускали на постой. Народ в Бенгоде попадался разный: развеселые моряки с Архипелага в штанах и жилетах, украшенных жемчугом, чинные мастера и подмастерья с

женами, солдаты с мечами и алебардами, уличные торговцы с лотками всякой снеди, попрошайки и кабацкий люд в отрепьях, а также вездесущие мальчишки, горластые и полуголые. Иногда проезжала коляска, в которой сидели чиновник или богатый коммерсант, и кое-кто из них, в бакенбардах, с темными волосами и светлой кожей, относился к имперской расе. Все остальные были примерно такими же, как Вашшур, Нухассин и их соплеменники: меднокожими, носатыми, с белесыми волосами.

По идее, где-то в лабиринте этих узких улочек и крохотных площадей находился странноприимный Дом Братства, но Тревельян не стал его искать. К началу Заката он вернулся в портовый район, выбрал заведение с нарисованным на дверях синим китом, в котором ели и пили мореходы с Архипелага, вошел и сел, скрестив ноги, на кожаную подушку у низкого длинного стола. Хозяин, тощий, как корабельная мачта, принес на блюде местного омара, жуткую тварь размером с футбольный мяч, с двадцатью ногами. Фирменное блюдо, решил Тревельян и, поглядывая на более опытных соседей, разбил панцирь рукоятью кинжала и подцепил на лезвие кусочек розового мяса. К этому блюду полагалась кружка с вином, имевшим привкус фруктов, которыми днем раньше потчевал его Вашшур.

«Моча, – заметил командор после дегустации. – А краб ничего. Помню, когда я служил на «Койоте», в кают-компании подавали...»

Он пустился в воспоминания, но это не мешало Тревельяну есть, пить и поглядывать по сторонам. Его сосед справа спал, уткнувшись лицом в миску с объедками, соседи слева спорили, кто дальше метнет гарпун, а по другую сторону стола сидели трое бравых мореходов в дорогой одежде, сделанной на островах Архипелага – склеенной особым образом из дубленого китового пузыря и не пропускавшей воду. У них были жилеты, шитые мелким жемчугом, широкие перевязи через плечо и длинные ножи, которыми они умело потрошили двадцатиногих крабов. Эти травили морские байки, что было небезынтересно. В данный момент речь шла об урагане, причем настолько сильном, что он унес в небеса трехмачтовый корабль, протасил над Архипелагом и сбросил в Жемчужное море. Рассказчик, детина со шрамом от глаза до верхней губы, клялся китовыми кишками, что он один из выживших в той катастрофе и что Цилад Кривой, его дружок, каждое слово подтвердит, ибо сам летал на том же судне. Его приятели не верили. Один, с наушным украшением из янтаря, ехидно шурился, другой то и дело дергал мочку, которая свисала до плеча.

Тревельян послушал, отхлебнул вина и сказал:

– Вот история, достойная песни, почтенные мореходы. Могу ли я узнать...

– Ты кто таков? – прервал его моряк с янтарной подвеской.

– Рапсод Тен-Урхи. – Тревельян встряхнул свою суму, и струны лютни протяжно зазвенели. – Разве не видно, что я из Братства?

– Хоть из китовьего брюха, нам без разницы. Чего тебе надо, рапсод?

Кажется, эти обитатели Архипелага не испытывали почтения к певцам. Что поделаешь! Архипелаг – окраина мира, где люди невежественны и грубы...

– Я пришел в Бенгод, чтобы послушать тех, кто плавает в океане, и сочинить о них сказание. Воспеть их отвагу, их опасный труд, их корабли, летящие под парусами, их...

– Ты пришел куда надо, – снова прервал его моряк, что было совсем уж невежливо. – Но наши истории не для всяких вонючих пацев. Не для всяких, чтоб меня аппа сожрали! Тот, кто хочет их послушать, должен заплатить.

Тревельян замотал головой, взметнув свои роскошные бакенбарды.

– Ты что, не понял? Я – рапсод! Разве ты не желаешь, чтобы я прославил твое имя? И имена твоих друзей? Кстати, как вас зовут?

– Меня – Куссах Четыре Пальца. – Моряк с подвеской поднял руку, на которой не хватало мизинца. – Морда со шрамом – Боссин, а этот – Риммхиш. Кстати, на славу нам плевать. Мы парни скромные, трудяги-китобои. Что нам до славы? Да провались она сквозь Кольцо!

«Не похожи эти прощельги на китобоев, – заметил командор. И посоветовал: – Держи ухо остро, парень!»

Верно, не похожи, согласился Тревельян. Ножики острые, а физиономии самые бандитские... Вслух же он сказал:

– Могу я как-то смягчить ваши сердца и развязать языки?

– Можешь, – отозвался Четыре Пальца, явный заводила в этой компании. – Можешь, лохматая рожа! Вино тут еще не кончилось.

Тревельян вытащил из сумы кошель и, подзывая хозяина заведения, позвенел монетами. Глаза у Куссаха жадно блеснули, Боссин сглотнул слюну, а Риммхиш, взволновавшись, дернул себя за мочку.

– Выпивку для всех, – велел Тревельян, вкладывая в ладонь кабатчика серебро. – Четыре кружки, да побольше! Потом принесешь еще столько же.

– Да, господин. Благодарю за щедрость, господин. Да снизойдет на тебя благословение Заступницы Таванна-Шиши!

Вино появилось в момент, и Куссах со своими приятелями тут же присосались к кружкам. Потом Четыре Пальца спросил:

– Ну, так какую историю ты хочешь услышать?

– Наверно, такую же длинную, как шерсть на его щеках, – с ухмылкой молвил Боссин.

– Да, шерсти много, – кивнул Риммхиш. – Хватит, чтобы сплести пару причальных канатов.

Не обращая внимания на эти подковырки, Тревельян сказал:

– Что-нибудь о дальних странствиях в океане. Очень дальних! О смерчах, бурях и неведомых землях, о мудром капитане, который вел корабль на восток, о смелых мореходах, что терпели голод и жажду, а также муки неизвестности, но, преодолев все, узрели невиданное и насладились плодами земли, где не ступала доселе нога человека. Вот об этом я хочу послушать!

– Красиво говоришь! – буркнул Куссах и передразнил: – Пц-пц-пц! Только что-то я не припомню такого плавания. Не припомню, чтоб меня на столб подвесили! А ты, Боссин? Ты, Риммхиш?

– Это зависит от числа кружек, – произнес верзила со шрамом, ковыряя в зубах ножом. – Если еще по одной опрокинуть, может, что и вспомнится. Тайное, о чем в кабаке не говорят.

«Морочат голову? – подумал Тревельян. – Или в самом деле что-то знают? С виду явные пираты... У таких, быть может, есть что поведать...»

Он снова достал кошель и брякнул его содержимым:

– Хозяин! Еще по кружке!

– Кружек не надо, пусть флягу большую тащит, – возразил Куссах. – Мне тут хорошая мысль пришла: берем флягу и мотаем из этого нужника к себе на лоханку. Прав Боссин, прав, клянусь канатом! Не все тут можно говорить.

– А на корабле у нас Цилад, – добавил Боссин, переглянувшись с приятелем. – Цилад, старая мудрая рыба! Чего он только не знает! Тебе, лохматый, на сотню песен хватит. Будешь их петь, пока не окочуришься.

Кабатчик принес флягу размером с ведро, Риммхиш нежно прижал ее к груди, а Тревельян рассчитался. Затем они покинули заведение и, пошатываясь, углубились в лабиринт узких смрадных переулков, ведущих к причалам. Здесь царило безлюдье, только по кучам отбросов шмыгали крысы и охотившиеся за ними тарли – местные одичавшие псы, с усами и круглыми, как у кошек, мордами. Надвигалось время Ночи, и в небесах уже горел изумрудный диск Ближней звезды, добавляя сумраку зеленоватых красок. Дальняя звезда,

не такая яркая, тоже взошла и мерцала над горизонтом, подобно сапфиру, окруженному мелкими бриллиантами созвездия Шерр.

Вино было крепким, Тревельян изрядно выпил, но медицинский имплант уже трудился, очищая кровь от алкоголя. У Куссаха, Боссина и Риммхиша такого устройства не имелось, но его с успехом заменяли луженые желудки и привычка к местному пойлу. Они держались на ногах вполне уверенно, и Риммхиш тащил тяжелую флягу без заметных усилий. Мореходы были много ниже Тревельяна – самый рослый, верзила Боссин, достигал плеча, – но, как все обитатели Архипелага, жилистыми и крепко сбитыми. Ветер трепал их белесые волосы, медная кожа в свете Ближней звезды приняла трупный оттенок.

– Далеко еще? – спросил Тревельян.

– Не дальше волоса с твоей рожи, – усмехнулся Куссах. – Нам вот сюда... Пара шагов, и будем на лоханке у Цилада.

Они свернули в узкую щель между двумя замшелыми амбарами, и тут Четыре Пальца многозначительно хмыкнул. Риммхиш, не выпуская фляги, сорвал с плеча Тревельяна мешок и быстрым шагом ринулся дальше, а Куссах и Боссин вытащили ножи. Тревельян увидел мелькнувшее перед глазами лезвие и тут же почувствовал, как чужая рука шарит у пояса, отыскивая кинжал.

– Так мы не договаривались, парни, – произнес он, стараясь не упустить из виду Риммхиша со своим мешком. Главной ценностью в его суме являлась лютия с устройством связи и голопроектором-пугалкой. В принципе, их можно было бы имплантировать, но Тревельян решил, что двух имплантов, врача и Советника, ему хватит. Его не зря считали одним из лучших наблюдателей ФРИК; в любом мире и в любой ситуации он умел защитить свое добро.

Но Куссах и Боссин об этом не знали.

– Стой, не дергайся, и будешь жив, – прорычал Четыре Пальца, поигрывая ножиком. – Стой смирно, и я тебе песенку спою... пц-пц-пц...

– А я волосню на память отрежу, – молвил Боссин, хватая за левую бакенбарду. – Как у того купца... хо-хо!.. у купца с гзорской посуды... Помнишь, Куссах? Которого мы...

Договорить он не успел, ибо локоть Тревельяна врезался ему под ребра. Выронив нож и сложившись вдвое, Боссин рухнул на землю и засучил ногами, не в силах вздохнуть. «Дай стервецам по сусалам! – взревел под черепом командор. – Сверни носопыры набок! Ишь, развесили свои хоботы, гадюки паскудные!» Выполняя этот совет, Тревельян ударил Куссаха ребром ладони в переносицу и добавил коленом в промежность. Потом в несколько скачков нагнал Риммхиша, вырвал тяжелую флягу и опустил ему на затылок. Что-то треснуло, но все-таки не кость, а глина; фляга разлетелась осколками, а Риммхиш, лишившись чувств, ткнулся носом в кучу нечистот. Убедившись, что он дышит и что вина в его волосах гораздо больше, чем крови, Тревельян подобрал свой мешок и вернулся к Боссину и Куссаху. Оба валялись на грязной земле и пялились на него с нескрываемым ужасом.

Присев на корточки, Тревельян вытащил кинжал. Убивать он их не собирался, но клинок – веский довод в пользу честности.

– Пощади, страж справедливости! – выдавил Куссах, шмыгая разбитым носом. – Хрр... Пощади, во имя Троиш! Мы не поверили, что ты из Братства!

– Никогда бы... – прохрипел Боссин, – никогда бы... руку... не подняли...

– Не поверили? – переспросил Тревельян. – А почему?

– Чтоб истинный рапсод заявился к «Синему киту»... хрр... не побрезговал... невиданное дело, клянусь китовьей задницей! У вас же есть свои Дома... И в этом вонючем Бенгоде тоже...

Надо учесть на будущее, решил Тревельян и поднес лезвие кинжала к глотке Куссаха.

– Дальнейшее будет зависеть от твоей откровенности, пац. С какого вы корабля?

– С «Пьяной волны», милостивый господин.

– Чем промышляете?

Четыре Пальца отвел взгляд:

– Так, ловим по мелочи... не китов, а купцов.

– Про земли на востоке что-то слышали? Ты, или этот ваш Цилад, или кто другой?

– Цилад с пьяных глаз что хочешь в трюм нагрузит... Только нет на востоке земель, там Оправа Кольца в руке Таван-Геза. Ты, рапсод, об этом лучше знаешь. Никто туда не плавал... никогда...

– Ну, черт с вами, живите, – с разочарованием сказал Тревельян и поднялся на ноги. Оставив трех пиратов позади, он вышел из проулка и пересек портовый район, направляясь к городской цитадели и сигнальной башне. За башней, в самом начале имперского тракта, располагалось нечто немыслимое в средневековой Европе – станция с пассажирскими каретами, местным аналогом фаэтонов и дилижансов. Возможно, какой-то отправлялся ночью или рано утром... В Бенгоде, как подсказывала интуиция, делать Тревельяну было нечего.

«Зря ты этих гиен не дорезал... Зря!» – недовольно пробурчал командор.

«Кровожадный ты, дед, – отозвался Тревельян. – А про устав Фонда помнишь? Пункт четыре, подпункт «а»: без большой нужды не резать».

«Когда мы накрыли пиратский вертеп в Поясе Астероидов, я про устав не вспоминал. Раскрыли шлюз, и одного за другим, прямо в пустоту... – Он смолк, затем поинтересовался: – Куда теперь?»

«В Рори, местную столицу. А оттуда – на север, в Этланд».

«Что ты там забыл?»

«Надо узнать про одну личность почти исторического масштаба. Про Дартаху Высоколобого... Как жил, что делал и чем его жизнь завершилась. Помнишь о Дартахе?»

«Список имен в меня загрузили, – проворчал Советник. – Это тот самый Дартах, которому подбросили идею шарообразности мира. Скорее всего, кончил жизнь подвешенным на крюк. Кажется, такие здесь обычаи?»

«Так больших злодеев казнят, – возразил Тревельян, шагая по безлюдной улице и слушая, как вдали перекликаются сторожа. – Дартах же был безобидным картографом. Правда, весьма настырным».

«Настырных вешают в первую очередь», – подвел итог дискуссии командор и замолчал.

Обогнув сигнальную башню, Тревельян вышел к станции и ровной, как древко копья, имперской дороге, серой лентой тянувшейся на запад. В самом ее начале был воздвигнут гранитный пилон пятиметровой высоты с надписью, сделанной крупными четкими буквами. Надпись гласила: «Повеление Светлого Дома тверже камня, на котором оно высечено». Рядом с пилоном стоял фаэтон, и в него, при свете фонарей, уже забирались пассажиры.

Глава 3 СТРАНА ХАЙ-ТА

Возможно, дороги были самым большим, самым восхитительным чудом Осiera. Они тянулись с востока на запад от одного океана до другого, раздваивались, растривались и расчленились, соединяя все цивилизованные страны континента, лежавшие в умеренных широтах и в зоне субтропиков. Они пересекали леса, луга и поля, взбирались серпантинном на горные перевалы, шли по ущельям, ныряли в пробитые в скалах тоннели, взбегали на мосты, переброшенные через реки и каналы. Они связывали столицы полусотни держав и имперских провинций, все крупные порты и города, и от них отходили тракты местного значения – к городкам, селениям и деревням, к военным лагерям и арсеналам, к верфям, рудникам и каменоломням, к солеварням и лесным вырубкам, к сельским угодьям, латифундиям знати, плантациям пальм, фруктовым рощам и виноградникам. С их помощью с одного конца материка на другой можно было попасть за семьдесят суток, что было бесспорным достижением осьерских строителей – ведь с востока на запад континент простирался на двадцать пять тысяч километров. Правда, дальний юг и крайний север имперские тракты не охватывали; на севере находились непроходимые топи и болота, а за ними льды, тогда как юг, примерно третья часть материка, был покрыт джунглями, и там текли огромные реки, по которым можно было добраться до самых отдаленных мест.

Дороги являлись чудом не только в силу их протяженности и разветвленности, наличия тоннелей, мостов и твердого каменного покрытия. При них и рядом с ними располагался комплекс сооружений и средств, неразрывно связанных с преодолением пространства тем или иным способом, при помощи звука, света, колес повозок, конских копыт и человеческих ног. Через каждые тридцать-сорок километров находились постоянные дворы, конюшни с лошадьми для пассажирских фаэтонов и грузовых телег, колодцы, кузницы и каретные мастерские, склады провианта, рынки, таверны и кабаки. Каждое из этих мест служило опорным пунктом связи, а также охраны порядка и законности; при нем находились воинский отряд и сигнальная башня с обученными людьми, передававшими сообщения с помощью труб, барабанов и вспышек огня. Через каждые пять-восемь километров стоял гранитный или базальтовый пилон с врезанным в камень законом Империи, дорожным правилом, религиозным советом либо изречением одного из императоров. Этой мудрости хватало на все верстовые столбы, так как императоров за два тысячелетия насчитывалось больше сотни, и каждый хоть раз сказал что-то умное. Пилоны служили не только к поучению, но также внушали страх перед карающей дланью владыки; нередко при них воздвигали вышки с железными крючьями и цепями, украшенные телами преступников. Наконец, по этим дорогам можно было за считанные дни перебросить отряды солдат из лагерей в любую область на западе, севере и востоке. Можно сказать, Империя властвовала и правила с помощью своих дорог.

Память о титаническом труде, затраченном на их сооружение, сохранилась только в имперских Архивах. Дороги начали строить на заре времен, в легендарную эпоху владыки Уршу-Чага, который объединил Семь Провинций, и продолжали эту работу в течение следующих шести веков, шаг за шагом продвигаясь за Кольцевой хребет к континентальному побережью. Дороги и все сооружения при них существовали уже два тысячелетия, являясь своеобразной премией Империи, даром предков за отсутствие войн, разрушительных нашествий варваров, религиозной и расовой розни – словом, тех социальных катаклизмов, что потрясли Китай и уничтожили Рим и Византию. Империя, конечно, воевала, но на протяжении многих и многих веков это были локальные конфликты, связанные с подавлением

периферийных властолюбцев, возомнивших, что их не достать за реками, лесами и горами. Но император приказывал, и их доставали, тащили к ближайшей дороге и вешали на крюк. Ибо повеление Светлого Дома тверже камня, на котором оно высечено.

* * *

Тревельян встретил утро, покачиваясь на мягкой подушке сиденья в передней половине фэтона; заднюю, отгороженную шторкой, со спальными полками и тюфяками, занимала какая-то важная особа, знатная дама со своими слугами. Но и в передней части было уютно: восемь сидений у окон и только пять пассажиров, что позволяло вытянуть ноги и не тревожиться, что кто-то споткнется о мешок с драгоценной лютней. Здесь ехали пара мелких чиновников, тучный пожилой торговец и возвращавшийся в Рори аптекарь, который в Бенгоде закупал морских пиявок и какое-то целительное зелье из сушеных водорослей. Зелье, упакованное в два тючка, приятно пахло, но пиявки в стеклянной банке с водой выглядели сущей мерзостью – здоровенные черви с кроваво-красными пастями. Все попутчики Тревельяна были людьми восточной расы, но отличались как от простодушного Вашшура, так и от Куссаха с его компанией. Манеры у них были вполне пристойными, одежды – то ли халаты, то ли куртки с широченными рукавами – чистыми и разукрашенными вышивкой, а разговоры вертелись вокруг добычи жемчуга, ломоты в суставах и имперской налоговой политики. Еще обсуждали слухи о мятеже в Манкане, который Светлый Дом – да будет с ним милость Троих! – подавит в самом скором времени.

Место в фэтоне стоило три серебряка, зато ехали быстро – экипаж мчала шестерка лошадей, которых за ночь дважды меняли. Лошади очаровали Тревельяна; они были выше и стройнее земных аналогов, с более длинным корпусом, точеными ногами и невероятно гибкими шеями. Их масть на Земле тоже считалась бы уникальной – черные как уголь, с белыми или пепельными полосками вдоль хребтов. Вероятно, они были очень выносливы и резвы – тащили экипаж шестьдесят-семьдесят километров с вполне приличной скоростью. Оставалось лишь удивляться, почему в Осире не ездят верхом. Собственно, поводов для удивления было два: почему сами не придумали седло с уздечкой и почему эстап с этой идеей, заброшенный столетие назад, не возшел здесь пышным цветом.

Тучный купец вытащил карты из широкого рукава, огладил раскидистые брови и предложил попутчикам:

– Желаете развлечься, мои господа?

Чиновники и аптекарь разом кивнули.

– А ты, достойный рапсод?

Тревельян испустил глубокий вздох, выдал слезу и изящным движением мизинца смахнул ее с бакенбарды.

– Ах, почтенные, мне не до игры! Я пребываю в невероятной тоске...

– Что же так? – спросил один из чиновников.

– Я ездил в Бенгод к прекрасной девушке, моей возлюбленной... увы, бывшей! Она... она... – Тревельян смахнул вторую слезу, – она меня забыла и сочеталась браком... Такая душевная травма! Ах!

Он заметил, как дрогнула занавеска в задней половине – там, похоже, внимательно слушали.

Аптекарь всполошился, нацелив на рапсода внушительный нос.

– Хочешь, дам чего-нибудь успокоительного? Корень пакса или настой цветов вертали... Еще в таких случаях помогают морские пиявки. Отсасывают дурную кровь.

Тревельян содрогнулся:

– Храни тебя Трое, добрый человек, но с этой бедой я справлюсь без пива. Сочиню песню о разбитом сердце, и мне полегчает.

– Рапсод! – уважительно сказал купец, раздавая карты.

– Не помню ни единой девицы в Бенгоде, достойной такой любви, – сказал чиновник, потеревив отвислую мочку.

– Может быть, дочка пекаря Гуззана? – тихо шепнул его коллега. – Она пошла второй женой к...

– Да ты что, Даммах! Она страшней, чем самка паца!

– У рапсодов бывают странные вкусы, Зиххар...

Они погрузились в игру, и теперь Тревельян слышал только звон монет и азартные выкрики: «Колокола!», «А у нас клинки на ваши колокола!», «Трубы и щиты побоку!», «Заступница Таванна-Шихи! Опять колокола!», «А чаши с колесами не хотите?», «У меня снова клинки!», «На всякий клинок найдется щит!», «Это смотря какой клинок, почтенный!»

Тревельян, изображая меланхолию, глядел в окно. Мимо промелькнул пилон, а рядом с ним – столб, на котором болтались два скелета. Подковы лошадей грохотали по ровным каменным плитам, дорога была широка и обсажена с обеих сторон плотным кустарником, который недавно подстригали. За этой упругой зеленой изгородью высился лес, но не из пальмовых дубов, а из стройных белокорых деревьев с длинными, в половину метра, голубоватыми иголками. Лес кончился, пошло поле, засаженное вьющимся на кольях злаком с крупными початками, свисавшими до земли. Дальше был выгон, где паслись косматые анши, местные козы, а за ним виднелась деревушка. Над очагами во дворах вился дымок, сутились женщины, ветер доносил запах рыбы и свежих лепешек. Навстречу попались возы, груженые бревнами, потом такой же, как их собственный, пассажирский экипаж, потом они обогнали тележку с корзинами фруктов, которую тащил бык не бык, осел не осел, а что-то наподобие пони с рогами. Снова начался лес и сразу отступил, чтобы дать место харчевне и навесу, под которым стояли длинные столы и лавки, занятые дюжиной солдат. На невысоком холме стоял блокгауз, а у его подножия, на ровном поле, тренировались лучники. Стреляли в головы, что красовались на вершинах трех столбов, и в круживших над ними стервятников.

«Контрасты Средневековья», – пробормотал командор.

«Средневековье, да не наше, – мысленно возразил Тревельян. – В нашем от Рима одна латынь осталась. А тут, гляди, какая дорога!»

«И головы на шестах. Так что ты, паренек, не расслабляйся!»

С этим Тревельян был полностью согласен. Его работа требовала инициативы и в то же время разумной осторожности.

Через четверть часа экипаж подкатил к другому заведению, где можно было перекусить, умыться и справить естественные надобности. Компания картежников прервала игру и ринулась в харчевню вместе с двумя возницами – прополоскать глотки. Тревельян тоже вышел, заглянул в будку с удобствами, потом выпил у стойки и сжевал лепешку с сильно наперченными овощами и кусочками рыбы. Благородная дама не появилась, но ее служанка сделала кое-какие покупки – свежие фрукты, сок и лучшее вино, не местное, а из Пибала. При этом разглядывала Тревельяна не таясь.

Полоскание плоток закончилось, возницы расселись на козлах, шестерка скакунов грохнула копытами, экипаж тронулся с места и стал плавно набирать скорость. Чиновники, аптекарь и торговец продолжили игру и скоро вошли в такой азарт, что, казалось, воздух дымится над их залысынами, а из глубоких ноздрей сыплются искры. Тревельян, с прежней задумчивой миной разглядывая окрестности, прикидывал план действий в Рори, столичном городе Хай-Та. Он собирался посетить обитель Братства Рапсодов, но не испытывал надежд узнать там что-то важное. Однако этот визит был бы полезен для адаптации в мире Осирера – ведь всякий певец, явившийся в город, заглянет в странноприимный дом, чтобы пооб-

щаться с местными коллегами. Было бы странно пренебречь такой возможностью! Кроме того, нужно навести справки о дороге в Этланд и, быть может, что-то узнать о судьбе Дартаха Высоколобого. Это было единственной конкретной задачей, стоявшей перед Тревельяном; в остальном он был свободен и мог осуществлять свою миссию в меру разума и сил.

Чьи-то пальцы легко коснулись его плеча. Он вздрогнул и повернул голову.

– Да будут боги милостивы к тебе, рапсод! Да защитят от демонов бездны! – Это окзалась служанка знатной дамы. Сунув в руку Тревельяна золотой, она промолвила: – Моя госпожа желает тебя видеть. Ей скучно.

– Мой долг ее развлечь, прогнав тоску какой-нибудь песней или историей. – Тревельян живо вскочил на ноги, сунул монету в пояс и вытащил лютню из мешка. – Я готов, о прекраснейшая из девушек!

Служанка хихикнула. Нос у нее был такой, что на нем можно было бы подвесить дыню.

Вслед за носатой девицей Тревельян проник за занавеску, сделал знак почтения, поднял глаза и тут же, будто ослепленный, прикрыл их ладонью. Дама того стояла. Она была метиской, но кровь восточной расы сказалась только на чуть удлинённых ушах и смугловатом оттенке кожи. Все остальное – густые темно-каштановые волосы, пикантный носик, пухлые яркие губы, карие, с поволокой, глаза и стройная, изящная фигурка – принадлежало к имперским образцам в самом лучшем исполнении. Как и ее наряд, шелковая туника, украшенная перьями птицы ках, шитая серебром накидка и замшевые дорожные сапожки. Выглядела она исключительно загадочно и романтично.

– Разделяю твое дыхание, певец. Мое имя – Чарейт-Дор, – сказала дама, описав круг около сердца. У нее был приятный, мелодичный голос.

– И я твое, госпожа, – произнес Тревельян. Командор, старый шалун, развеселившись, буркнул: «Хороша штучка эта Чарейт! Не теряйся, сынок. Я бы с такой не только дыхание разделил!» – «Место неподходящее», – отозвался Тревельян, кланяясь. – Меня зовут Тен-Урхи, и я к твоим услугам, высокородная. Что ты желаешь послушать? Песни о любви, что так приятны дамам, или...

– Или, – сказала она. – Сядь здесь, у моих ног. Я просто хочу побеседовать. Хочу узнать о тебе. Что ты делаешь тут, на краю света, Тен-Урхи? Случайно я услышала о некоей девице из Бенгода, которую ты одарил своей благосклонностью. Но, кажется, она тобой пренебрегла?

– Хм, – сказал Тревельян и повторил: – хмм... Сказать по правде, моя госпожа, история с этой девицей – прошлогодний звон струны. Были, конечно, разные девицы в разных городах, но только не в Бенгоде. Это я выдумал, чтобы не обидеть тех... – Он понизил голос и кивнул в сторону занавески. – Не люблю играть на деньги. Выигрываешь чужие, проигрываешь свои... То и другое в равной степени неприятно.

Чарейт-Дор улыбнулась и стала еще прелестнее.

– Ты не простой человек, Тен-Урхи! Чем же на самом деле ты занимался в Бенгоде?

– На самом деле? Хмм... Собирал древние сказания об Уршу-Чаге Объединителе и его воинах, госпожа.

Брови Чарейт-Дор вопросительно изогнулись. Продемонстрировав знание классической литературы, она заметила:

– «Анналы эпохи Разбитых Зеркал», не так ли? Но грозные воины Уршу-Чага – да будут милостивы к нему Трое! – в эти края не дошли. Им не удалось продвинуться за границы Пибала.

Древний император Уршу-Чаг являлся на этой планете кем-то вроде короля Артура, а его соратники – подобием рыцарей Круглого стола. Уршу-Чаг объединил Семь Провинций, положив тем самым начало Империи, а приступая к этому славному деянию, перебил все зеркала в своем дворце, поклявшись, что не увидит собственного лица, пока не расправится

с врагами. По легенде это заняло целых тридцать лет, так что Уршу-Чаг узрел в конце концов физиономию старца с седыми баками, расстроился и умер от огорчения. Но его потомки правили Империей до сих пор, а свод «Разбитых Зеркал» пополнялся все новыми песнями.

– Насчет Пибала все верно, – согласился Тревельян, – но один из воинов решил остаться на завоеванных землях, а его потомки переселились в Хай-Та. Говорят, что кто-то из них даже плывал в Восточном океане дальше островов Архипелага... Разве ты об этом не слышала, госпожа?

– Нет. – Чарейт-Дор покачала темноволосой головкой. – Я ездила в Бенгод не развлекаться древними песнями, а по делам покойного супруга. Он владел там верфью, которую я пожелала продать. – Голос благородной дамы намекал, что о кончине супруга она сожалеет не больше, чем о верфи. – Зато теперь... теперь... – Ее глаза мечтательно затуманились. – Вот что, рапсод Тен-Урхи, спой мне все же песни о любви. Только негромко... А перед тем выпей вина. Это настоящее пибальское.

Тревельян осушил предложенную чашу и запел. То были знойные, страстные песни Ки-Ксора, Фейнланда и Трота, трех южных имперских провинций, и Чарейт-Дор, слушая их, начала томно вздыхать и облизывать пухлые губки розовым язычком. Экипаж остановился для смены лошадей, потом копыта вновь загрохотали, промелькнуло мимо несколько городков, застроенных домами и мастерскими ремесленного люда, печи гончаров и стеклодувов, над которыми вились дымы, обширный военный лагерь, воины на быстрых колесницах, поля и пальмовые рощи – все это пронеслось за окном, а Тревельян все пел и пел. Когда же закончил, Чарейт-Дор обволокла его нежным взором, покосилась на своих слуг и проворковала:

– Жаль!..

– Мы продолжим приятное знакомство в столице, – сказал Тревельян, догадавшись о смысле этого возгласа.

– Увы, я не задержусь в Рори. Я еду в Северный Этланд, в Помо, где правит мой брат, высокородный Раббан. – Она снова оглянулась на слуг и прошептала: – Ты мог бы там меня навестить или отправиться прямо со мной. Раббан будет рад и примет тебя с почетом.

Какие причины радоваться у Раббана, Тревельян не понял, но на всякий случай кивнул. Затем произнес с сожалением:

– Мне тоже надо в Этланд, но не на север, а в западную часть страны. В город Экбо, моя прекрасная госпожа.

В Экбо, в крупнейшем среди стран Пятипалого моря университете, некогда жил и творил Дартах Высоколобый, и там его посетила мысль о шарообразности планеты. Собственно, мысль, как и факты, ее подтверждающие, принадлежала помощнику Дартаха, пожелавшему остаться неизвестным. Вскоре он и вовсе исчез, объявившись спустя какое-то время на Базе ФРИК. Что было Дартаху на руку; он счел себя истинным автором новой оригинальной идеи.

– В Экбо... значит, в Экбо... – протянула Чарейт-Дор. Затем с лукавой улыбкой поинтересовалась: – Там ты тоже будешь собирать древние песни про Уршу-Чага?

Для разнообразия Тревельян решил сказать правду.

– Нет, высокородная. Я хотел бы прочесть манускрипт одного из ученых, обитавшего когда-то в Экбо. Его звали Дартах Высоколобый, и он...

Чарейт-Дор сморщила носик:

– Дартах? Не тот ли это Дартах Помешанный, которого изгнали из университета еще в дни юности моего отца? Отец учился в Экбо, знал Дартаха и дал ему приют в нашем имении в Помо. Там хранятся все его пергаменты и карты.

Сочиняет, желая новой встречи?.. – мелькнуло у Тревельяна в голове. Но сейчас казалось, что Чарейт-Дор с ним не кокетничает. Дартах Помешанный... Похоже на правду! Во

всяком случае, такой исход не исключен – ведь никаких следов последнего эстапа пока не замечается.

Он поклонился и сказал:

– В таком случае я обязательно приеду в Помо, моя госпожа. И не только из-за Дартаха.

Снова поклонившись, Тревельян вернулся в переднюю часть экипажа. Лес отступил, по обеим сторонам дороги теперь лежали поля и луга со стадами коз и овец, над травами кружились медоносные бабочки, селения и городки попадались все чаще. Повозка приближалась к Рори, и, наконец, у очередного пилона дорога раздвоилась, превратившись в кольцо, окружавшее город. Как и в Бенгоде, тут не было защитных стен и башен, даже скромного форта, но в полукилометре от дороги располагался военный лагерь, сотни две прочных барачков, конюшни и сараи для колесниц, стоявшие ровным квадратом вокруг просторной площадки. Внутренняя часть кольца была застроена причудливыми деревянными домами, тянувшимися скорее ввысь, чем вширь, и прорезана радиальными улицами, обсаженными зеленью. Здесь не курились дымы над гончарными печами, не слышался стук молотков, не звучали вопли уличных торговцев и нигде не громоздились кучи мусора. Столица Хай-Та была городом знати, чиновников и тех негоциантов, кто преуспел настолько, чтобы жить в подобном месте, вблизи резиденции правителя.

Распахнулись широкие ворота, фэзтон въехал во двор, мощный камнем, и замер между харчевней и конюшнями. Подбежали слуги, начали выпрягать лошадей. Два дюжих парня помогали прибывшим выносить багаж, перетаскивая его к стоявшим поблизости легким коляскам. Но сундуки Чарейт-Дор понесли к другому большому экипажу, который, надо думать, отправлялся на север, в Этланд. Высокородная дама сошла на землю, отыскала взглядом Тревельяна и благосклонно ему улыбнулась:

– До встречи, рапсод! Надеюсь, ты еще развлечешь нас песнями – там, в поместье моего брата.

– Непременно, моя прекрасная госпожа.

Откланявшись, он подошел к аптекарю:

– Кажется, ты из Рори, достойный? Не подскажешь, где здесь обитель Братства?

Аптекарь, следивший за погрузкой своих пивовок и тюков, махнул рукой:

– Выйди со двора и сверни в первую же улицу. Минуешь площадь, где дворец властителя, и шагай дальше, до речного берега. Там увидишь. Ищи дом с башней, где перед дверями висит лютя. Храни тебя Трое!

– И тебя, почтеннейший.

Вскинув на плечо мешок, Тревельян двинулся в дорогу. Прямо напротив станции, по другую сторону тракта, за изгородью начинался парк – видимо, местный зверинец, так как меж деревьев виднелись клетки с животными, а по траве разгуливали птицы как в роскошном оперении, алом, жемчужном и гиацинтовым. Сразу за входной аркой, обрамляя аллею, стояли две клетки: в одной дремал пятнистый даут, хищник из южных джунглей, в другой, перед кучей похожих на банан плодов, сидел нахальный откормленный пац. Есть ему явно не хотелось; задрав заднюю лапу, он чесал под мышкой.

– Зажрался ты, братец, – сказал Тревельян. Пац поглядел на него, обнажил клыки и облизнулся.

Улица, тянувшаяся к площади, была застроена добротными домами, обшитыми тесом, с галереями на резных столбиках вдоль второго и третьего этажей, с лесенками, что вели наверх, в жилые покои. Внизу находились лавки, небольшие кабачки, конюшни, кухни, кладовые или иные хозяйственные заведения. Еще Тревельяну попались цирюльня, пруд с яркими рыбками перед зданием бань и портновская мастерская – вероятно, модный салон, ибо у входа виднелись коляски с отчаянно скучавшими возницами. Затем он вышел на площадь и остановился, озираясь.

Слева – дворец, справа – храм... Внушительные строения, и оба, хоть и деревянные, но на фундаменте из камня. Дворец поражал обилием башенок, лестниц, балконов, окошек, забранных цветным стеклом, изгородей, оплетенных лианами, и красочными тростниковыми циновками, устилавшими землю перед парадным входом, где стояли на часах шестеро солдат. Не королевская резиденция, а, скорее, загородная вилла... Впрочем, первое лицо в Хай-Та хоть и являлось по сути королем, не обладало этим титулом – его, как правило, именовали Высоким или властелином. Благородное сословие в любой из осьерских стран не делилось на графов и баронов, маркизов и герцогов; все они были нобилями, а их общественный вес определяли личное богатство и занимаемая должность. Единственным исключением являлись владыка державы и люди его фамилии, способные со временем претендовать на трон, но даже эти не носили пышных титулов князей и королей. Император именовался Светлым Домом, все остальные – повелителями или властителями. К нобилю, главе области или города, обращались еще проще: правитель.

Полуболевшись дворцом и начищенным до блеска вооружением стражи, Тревельян повернул к храму. Это было строгое здание, выстроенное по традиции в форме увенчанного куполом круга и походившее по этой причине на цирк. Стояла середина Дня, вечернее богослужение еще не начиналось, и у дверей, украшенных растительным орнаментом, было безлюдно. Он вошел, ощутив всей кожей, как жару сменяет приятная прохлада. Сверху, из окон, прорезанных в куполе, падали потоки света, и в солнечных лучах покрытый мозаикой пол святилища искрился и сверкал. Пол – главная святыня в храме, но ходить по нему не возбранялось, ибо он являлся картой, изображением материка, земли которого и так попирают человеческие ноги. Эту карту, словно цирковую арену, обегал кольцевой каменный барьер, а сверху, с расписного потолка, на нее глядели лики трех богов.

Согласно осьерской космологии, мир был плоской вставкой в Оправе Кольца или Перстня, который держал в огромной руке Таван-Гез, верховное божество. Днем он взирал на землю и океаны солнечным оком, а вечером закрывал его и открывал звездное. Какой конкретно глаз, левый или правый, был солнцем, а какой – звездами, служило поводом для дискуссий десятков поколений ученых теологов, но все сходились в том, что бога лучше не гневить – вдруг, утомленный зрелищем людских грехов, он закроет оба глаза! Вся надежда в этом случае была на его супругу Заступницу Таванна-Шихи и их сына, вечно юного Тавангур-Даша. Бог, однако, открывал и закрывал глаза с чудесным постоянством, так как луны у Осiera не было и соответственно не было солнечных и лунных затмений. Трое богов глядели на Кольцо из Великой Пустоты, а под их ногами находилась бездна с обитавшими там демонами и душами грешников, недостойных возродиться в мире людей.

За спиной Тревельяна кашлянули, и он, придав лицу благочестивое выражение, торопливо очертил круг около сердца. Круг был символом Оправы Кольца.

– Разделяю твое дыхание, рапсод, – произнес подкравшийся к нему тощий жрец в широкой мантии. – Прежде я тебя тут не видел.

– И я разделяю твое, почтенный. Я только что прибыл из Бенгода и сразу явился в храм, дабы возблагодарить богов за успешное путешествие.

– Похвально, очень похвально! – одобрил тощий. – Но всякая благодарность нуждается в подкреплении, чтобы милость богов и впредь не покинула тебя.

– Само собой, – согласился Тревельян и сунул священнослужителю серебряную монету. Тот мгновенно исчез, а Тревельян, устроившись на каменном барьере, начал разглядывать карту.

Централизация власти на Осiere определялась, вне всякого сомнения, его географической спецификой. В субтропической зоне, в самом центре восточного материка, лежало огромное пресное море Треш, окруженное плодородными равнинами, лесами и лугами, вбирающее пять полноводных рек и сотни менее крупных потоков. Этот благодатный край,

равный по площади земной Австралии, был замкнут с севера, запада и востока Кольцевым хребтом, а с юга – искусственным валом, тянувшимся на четыре тысячи километров. То были исконные имперские земли: три провинции к югу от моря Треш и четыре – к северу. Между хребтом и побережьями двух океанов находилось множество государств, населенных людьми западной или восточной расы, подвластных Империи полностью или частично, связанных дорогами и плативших особую подать на содержание воинских гарнизонов. Ряд сравнительно цивилизованных стран, Онинда-Ро, Пейтаха и другие, располагался на севере, освоенном имперскими переселенцами, северной ветвью континентальной расы. За ними простиралась дремучие леса, болота, тундра и ледниковая шапка на полюсе. К югу от вала, пересекая континент, простиралась область саванн, а за ней, в районе экватора и дальше – тропические джунгли, служившие бассейном нескольких гигантских рек. Две из них впадали в море Треш, а остальные текли к другому пресному морю – морю Аса, лежавшему за экватором и горным плато Асайя. Джунгли населяла южная раса, дикие племена, многочисленные и воинственные, с которыми, однако, Империи удавалось ладить. Обликом и обычаями автохтоны Осиера различались не меньше, чем народы Земли, но были и общие признаки: слабо выраженный черепной шов, тянувшийся от лба до затылка, отсутствие волосяного покрова на теле и кое-какие особенности желез внутренней секреции. Из-за последней причины союзы между землянами и осьерцами были бесплодными.

Карта, которую изучал Тревельян, выглядела почти такой же точной и подробной, как составленная на Базе по результатам орбитальных съемок. Были, конечно, ошибки в очертаниях плато Асайя, моря Аса, водных потоков и огромных гор, что отделяли континент от океана на дальнем юге. Но цивилизованная часть материка, со всеми ее городами, дорогами, мостами, границами стран и шестью разломами-ущельями в Кольцевом хребте, соединявшими Империю с внешним миром, передавалась картой безупречно. Стоя здесь и зная скорость движения экипажей по имперским трактам, можно было определить, сколько дней необходимо для путешествия к морю Треш, к Манкане, Сотаре или Островному Королевству. Либо, скажем, к городу Помо в Северном Этланде. Вероятно, дня четыре, отметил Тревельян и вышел из святилища.

Добравшись, как советовал аптекарь, до речного берега, он остановился, дернул в изумлении левую бакенбарду и присвистнул. Река именовалась Рориат; то ли ее назвали по имени города, то ли город был назван по реке. Этот поток километровой ширины плавно струился западнее столицы, за кольцевой дорогой, что отделяла дома от высокого, поросшего травой обрыва. В том месте, где на реке виднелись острова, был поставлен мост, опиравшийся на пятьдесят высоких каменных башен-быков, – часть их возвели на островах, часть поднималась с речного дна, но те и другие стояли несокрушимо. Мост, вероятно, был очень древен; вода струилась среди потемневших замшелых камней, в щелях меж ними проросли кустарник и изрядной толщины деревья, а высота сооружения была такой, что под мостом свободно проплывали парусные корабли. Речная гавань располагалась ниже по течению, за излучиной, и, поглядев туда, Тревельян увидел только лес мачт, кровли складов и вышку маяка.

«Капитально тут строят, – одобрил командор. – Это тебе не избы из бревен. С такого моста я стартовал бы без опаски даже на десантном боте. И речка солидная!»

«Это еще верхнее течение, – пояснил Тревельян, вспоминая карту. – Река тянется на север, в Этланд и Манкану, а на юг течет до самого моря Аса. Там разлив будет километров десять».

«Амазонка!» – буркнул командор и смолк.

Повернувшись спиной к мосту, реке и кораблям, Тревельян разглядел двухэтажное строение в местном стиле, с галереями и башенкой, что высилось на фоне цветущего сада. Вероятно, то была обитель Братства, и, подойдя ближе, он понял, что не ошибся – над госте-

приимно распахнутой дверью висело изображение лютни. Тревельян вошел и оказался в просторном длинном помещении, разделенном надвое аркой: в одной половине – низкий стол с подушками для сидения, очаг, над которым жарилась птица с добрую индейку, полки с посудой и кухонной утварью; в другой – фолианты и свитки пергамента в огромном шкафу, стойка с мечами и копьями, флейты и лютня на стене и большой инструмент, похожий на арфу. В дальнем конце – лестница, ведущая наверх. В окна с распахнутыми ставнями вливался аромат цветов и зелени, от очага тянуло вкусным запахом жаркого.

– Похоже, я попал куда надо, а главное – вовремя, – пробормотал Тревельян, опуская свой мешок на пол. От очага к нему уже торопился невысокий старичок в широченном халате, носатый, бровастый и беловолосый, как большинство людей в этом городе.

– Моя кровь – твоя кровь, – сказал он на восточном диалекте. – Хорошо, что ты пришел. Мы скоротаем вечер вчетвером – ты, я, Хурлиулум и эта птица, уже совсем готовая.

Приветствие в Братстве было иным, нежели у людей обычных, подчеркивающим сакральный смысл крови, в которой, как полагали на Осиере, обитает душа. Тревельян ответил старику теми же словами, добавив, что его зовут Тен-Урхи и что он прибыл из Бенгода и направляется в Этланд.

– А я – Шуттарн, дарующий кров в этой обители и мастер игры на флейте. Хурлиулум сейчас подойдет. Он пастух, наставник сыновей нашего владыки.

В неофициальной табели о рангах пастух и дарующий кров стояли выше рапсода. Пастухи, насколько было известно Тревельяну, были бродячими философами и учителями, а учить могли чему угодно, от математики и грамоты до танцев. В дарующие шли пожилые братья, уже неспособные странствовать, но умудренные опытом и годами; считалось, что дарующий кров – глава над всеми членами Братства, которые пребывают в данном городе. Кроме этих почетных званий, были, разумеется, ученики, и были мудрецы, называемые, если использовать земные аналогии, магистрами. Их насчитывалось не более сотни на весь континент.

Неслышно ступая, вошел гибкий, тонкий человек с рыжими волосами и пронзительным взглядом серых глаз. Пастух, как и подсказывало его имя, принадлежал к западной расе и появился на свет на другом краю материка, где-нибудь в Запроливье или на берегах Мерцающего моря. Тревельян приветствовал его на языке Удзени и по довольной улыбке Хурлиулума понял, что не ошибся.

Они сели к столу. Птица, которую Тревельян в жареном виде не смог опознать, была великолепна, а свежие лепешки, овощи и кисловатый напиток создавали ей достойный фон. Хурлиулум, однако, ел мало, старый Шуттарн и того меньше, так что на гостя легла основная нагрузка. Одолев половину жаркого, Тревельян, согласно местному обычаю, погладил живот, повернулся к пастуху и сказал:

– Далеко же тебя занесло от родных мест, Хурлиулум! Отсюда до Мерцающего моря много дней пути, и я еще не встречал в Хай-Та твоих соплеменников.

– Жизнь без странствий скучна, Тен-Урхи. Особенно такая короткая, как у людей моего племени.

Представители западной расы жили пятьдесят-шестьдесят лет и быстро старели после сорока. Но это, казалось, не слишком огорчало Хурлиулума. Посмотрев с улыбкой на Тревельяна, он произнес:

– Среди любого народа, на востоке ли, на западе или в Семи Провинциях, есть непоседы, для коих привычное бытие хуже казни на крюке. Родительский дом их не радует, семья не соблазняет, занятие отца, будь то кузнечный промысел или управление людьми и землями, кажется скучным. Не хотят они всю жизнь махать молотком или судить своих подданных, не хотят видеть из года в год одни и те же лица, своих стареющих соседей, свою жену и

ребятишек. Это не для них! Их манят дороги, новые встречи, приключения... Ты понимаешь меня, Тен-Урхи? Ты ведь один из нас и, значит, сам такой.

– Понимаю, – сказал Тревельян, и это было чистой правдой. Хотя он не являлся рапсодом и даже уроженцем Осиера, но был из того же племени авантюристов-непосед. Любопытство и тяга к перемене мест являлись теми человеческими свойствами, что не зависят от развития технологии.

– Влекут не только странствия, но и возможность творить добро, – заметил Шуттарн. Он поднял руки, покачал ладонями, будто чашами весов, посмотрел на одну, потом – на другую. – Вот Светлый Дом со всем его могуществом, с великими богатствами, армиями и крепостями, и вот – мы... Мы, Братство! И лишь богам известно, кто значит больше для нашего мира. Ибо мир стоит не на силе, не на звонкой монете, не на клинках воинов, а на разуме и добре.

«Идеалист, – пробурчал командор, невидимый свидетель их беседы. – Мир стоит на промышленном производстве, ракетах и боевых роботах».

Но Тревельян, не обратив внимания на слова призыва, сказал:

– Согласен с тобой, Шуттарн, полностью согласен! Но временами разумное, доброе и безусловно полезное не принимается людьми. Вот, например... – Он прикрыл глаза, будто вспоминая. – Если измельчить опилки, тряпки и древесные отходы, потом обработать эту массу неким способом, отжать под прессом и высушить, получится лист, удобный для рисования и письма. Более удобный, чем пергамент, и много более дешевый. Слышал я, что такие листы мог делать мастер Цалпа из Рингвара... Еще слышал о котле, в котором кипит вода, а пар по трубкам идет к колесу и его вращает... Четырежды делали такой котел – кузнец Суванува из Пейтахи, механик Куммух из Манканы и два строителя кораблей, Рдияс-Даг из Дневной провинции и Таркодаус из Островного Королевства. А еще дошло до меня, что некий Дартах из Этланда считал, будто мир наш подобен шару и парит в пустоте, обращаясь около светила, чему есть многочисленные доказательства. Все это разумные вещи, но люди их не принимают. Почему?

Пастух и дарующий кров переглянулись. Лицо Шуттарна приняло озабоченное выражение.

– Видишь ли, Тен-Урхи, разумное еще не значит доброе и полезное. Взять хотя бы этого Дартаха... Мир подобен шару? Но какая от этого польза? Какое добро?

– Возможно, в мире есть еще неведомые земли в другой половине шара. Отчего бы их не заселить? Разве это не доброе деяние?

– В мире и так достаточно места, – возразил Хурлиулум. – Наши земли хороши и просторны и устроены предками к нашему благу. Есть где жить и есть где странствовать! А новый край так просто не заселишь... Много прольется пота, а еще больше – крови.

Тревельян изогнул бровь.

– Жалеешь пот, пастух?

– Не пот, кровь. Споры из-за земель, новых или старых, без крови не обходятся. Пример тому – нынешний бунт в Манкане. Или юг... Как ты думаешь, почему не заселяются южные степи, где больше земель, чем во всех Семи Провинциях? – Тревельян молчал, и Хурлиулум, сделав паузу, продолжил: – Потому, что южные степи отделяют нас от южных лесов и племен дикарей. И нет нужды разбивать там плантации злаков и сажать фруктовые рощи. Пропитания нам хватает.

Хватает, молча признал Тревельян. В странах субтропического пояса злаки и фрукты росли с такой щедростью, что год в Осиере, где не знали месяцев, делился на сезоны Первого, Второго, Третьего и Четвертого Урожая. Сезоны отсчитывали по возвышению над горизонтом Ближней звезды, и каждый включал десять декад и три праздничных дня. Смены

времен года здесь практически не замечалось, ибо ось вращения планеты была почти перпендикулярна плоскости экватора.

Все это было так, однако он чувствовал какую-то недоговоренность в речах Шуттарна и Хурлиулума. Возможно, чего-то он не знал? Или не понимал? Чего-то такого, с чем не смогли разобраться исследователи ФРИК за целых полтора столетия?

– Оставим в покое Дартаха с его теориями и новые земли, – сказал Тревельян. – И я не буду вспоминать о паровых котлах, так как бывает, что они взрываются. Но эти листы для письма, которые придумал мастер Цалпа... Они-то кому помешали? – Он поглядел на массивный шкаф, полный толстенных томов и пергаментов. – Книги дороги, они большая редкость, а с этими листами их хватило бы на всех. Больше книг, больше знаний и больше знающих людей... Что в этом плохого?

Хурлиулум и Шуттарн снова переглянулись.

– Знание – меч, заточенный с обеих сторон, – молвил дарующий кров. – Ты молод, Ген-Урхи, и этого еще не понимаешь. К тому же ты рапсод, а песнопевцы всегда были склонны фантазировать. – Старик улыбнулся, смягчая резкость своих слов, но его лицо тут же приняло озабоченное выражение. – Думаю, тебе надо поговорить с магистром, с одним из наших мудрецов. Он объяснит тебе опасность излишнего знания... Скажи, откуда ты услышал про мастера Цалпу, про этого Дартаха и тех людей, что делали паровые котлы? Это случилось так давно, что даже я с трудом припоминаю их имена и страны, где они жили. Кто рассказал тебе о них?

– Определенно – никто. Странствуя, я слышал слово тут, два слова там... Как ты верно заметил, Шуттарн, я рапсод и, значит, ищу темы для песен. А это требует внимания даже к тому, что говорят в харчевнях, в банях, на дорогах и постоянных дворах.

– И ты был в Островном Королевстве? Так далеко? Там, где сохранилась память о Таркодаусе, строителе котлов и кораблей? – с ноткой недоверия спросил Хурлиулум.

Попался!.. – мелькнуло у Тревельяна в голове. И правда, далековато! Тем более что рядом сидит уроженец тех далеких мест! Начнет еще спрашивать про это и про то... Крупных ошибок он не боялся, усвоив под гипнотическим внушением массу данных о географии, природе и обычаях западных стран, но в мелочах вполне мог провратиться.

– Нет, там я не был. – Он сделал жест сожаления. – Я читал о Таркодаусе в Архивах. Его обвинили в колдовстве и насадили на крюк, и эта история была записана для поучения. Я...

Он смолк, заметив, как отвисли челюсти у собеседников. Опять он что-то не то сказал!

– Ты был допущен в столичные Архивы? Небывалое дело, клянусь Тремя! – Густые брови Шуттарна дрогнули в изумлении. – Конечно, ты уроженец Семи Провинций и рапсод, но все же... все же...

«Сошлись на бабу», – подсказал призраком командора, и Тревельян, скромно потупившись, произнес:

– Мне оказали протекцию... очень вескую протекцию... супруга одного чиновника... гмм... нобиля, чье имя я забыл так прочно, что даже не пытаюсь вспоминать. Ну, вы понимаете... – Будто в смущении, он зарделся, рванул бакенбарду и резко сменил тему: – Твой совет, Шуттарн, о встрече с магистром очень полезен. Я так и сделаю. Кого из мудрецов можно найти поблизости?

– В Хай-Та – никого. Но в Северном Этланде живет почтенный Питхана. В городе Помо.

«Надо же, в Помо! Перст судьбы!..» – подумал Тревельян.

Хурлиулум поднялся, приблизился к стене, где висели музыкальные инструменты, и снял две флейты. Они были с большим мастерством выточены из розового дерева; мундштуки белели костью, оправа сверкала серебром.

– Я обучаю сыновей владыки искусству правления. Учю их законам, учю судить справедливо, быть милостивыми к людям и беспощадными к убийцам и ворам, – сказал пастух. – В свободное время я играю на флейте. Не столь хорошо, как наш хозяин Шуттарн, но все-таки мелодию не испорчу. Особенно если ты, рапсод, поведешь наши флейты за своей лютней.

Проверяет, догадался Тревельян. Ну что ж, учитель законов может быть подозрительным...

Он раскрыл мешок, достал лютню, коснулся струн, и они зазвенели под быстрыми пальцами.

Глава 4 ЭТЛАНД

Спустя двенадцать дней, преодолев, где пешком, где в экипаже, пару тысяч километров, Тревельян опять сидел у стола, но уже не низкого, а привычной вышины, и под его ягодицами была не кожаная подушка, а деревянный табурет. Этланд несомненно являлся более цивилизованной страной, чем Хай-Та, поскольку был ближе к Империи и граничил на западе с Горру, Нанди и Пибалом, лежавшими у подножия Кольцевого хребта. Имперский тракт пересекал границу с Нанди и уходил к горам, к ущелью, пробитому притоком Рориата, и Первому Разлому, а за ним лежала провинция Восхода, самая восточная область Империи, которая славилась своими медами, зерном и душистой цветочной эссенцией. При желании Тревельян мог направиться туда, сесть на корабль и поплыть по морю Треш в Мад Аэг, столицу мира. Однако его дела на востоке были еще не закончены.

Стол и сиденье в обители Братства в Помо были удобнее, чем в Рори, а зал для трапез – больше; тут, не теснясь и не толкаясь, могли расположиться полсотни человек. Убранство зала тоже было изысканней: на стенах – гобелены, изображавшие панораму гор, потолок расписан под звездное небо, а в окнах, имевших форму стрельчатых арок, – настоящее стекло. Угощение, предложенное Даббасом, дарующим кров, не оставляло желать лучшего: лесной клыкач, запеченный с пряностями и травами, а к нему – пибальское вино. Все располагало к пиру и веселью, однако в трапезной, где насыщались девять человек, царила суровая тишина. Ни звуков музыки, ни разговоров, ни, тем более, смеха... Причины такой сдержанности были Тревельяну непонятны – он появился здесь час назад, успел умыться с дороги, но в обстановке еще не разобрался. Семеро его сотрапезников были рапсодами из местных, крепкими мужчинами в цвете лет; восьмой, пастух Лагарна, выглядел постарше и принадлежал, судя по имени и внешности, к северной ветви континентальной расы. Его бакенбарды были короткими и тронутыми сединой, а ростом он не уступал Тревельяну.

«Что-то парни мрачноваты, – заметил его невидимый Советник. – С чего бы? На блюде – жареный кабан, вина залейся, а рожи хмурые, как перед дракой».

Сказать Тревельяну было нечего, и он промолчал. Однако подумал, что Братство изучено из рук вон плохо и что, быть может, его члены не вполне адекватны земным миннезингерам и трубадурам. Восемь песнопевцев за столом, и с ними учитель или философ, но никакой болтовни... Этого он не понимал, а значит, в полученных им инструкциях, касавшихся Братства, зияли пробелы.

«Рожи как перед дракой, – упрямо гнул свое командор. – Видел я такие рожи, видел, и не раз! Десантники перед высадкой. Жрут, пьют, бластеры чистят, а глаза – в кучку... Будет драка, будет!»

Это в планы Тревельяна не входило. Он, собственно, завернул в Помо, чтобы повидать почтенного магистра Питхану и выжать из него что-нибудь полезное. По дороге сюда он не обогатился новой информацией, и миссия, можно сказать, не продвинулась ни на шаг. В постоянных дворах и харчевнях, на базарах и в банях, в речных гаванях и мелких университетах, что встречались на пути, никто не слышал ни о Дартахе Высоколобом, ни о его трудах. Об этих материях помнилось не больше, чем о бумаге мастера Цалпы, о паровой машине, изобретенной четырежды, или, к примеру, об учении Арзы-Сина Мечтателя, утверждавшего, что звезды – это солнца, видимые с огромных расстояний. В такой ситуации вести прелестной Чарейт-Дор про Дартаху, коего приютил ее отец, были подарком судьбы, и ими пренебрегать не стоило.

Однако, еще не добравшись до цели, Тревельян узнал, что имение и резиденция Раббана, правителя Северного Этланда, находятся не в Помо, а километрах в сорока от города, в местности с приятным климатом и теплыми целебными источниками. Там, в котловине меж холмов, стоял дворец, окруженный парком, там простирались охотничьи угодья, и там Раббан проводил восемь декад из десяти в любом сезоне, наезжая в Помо лишь по делам правления. Видимо, они не отнимали много времени. Этланд, в отличие от Хай-Та, являлся понятием скорее географическим, чем политическим, и не имел единого владыки. Это была конфедерация земель и небольших городов, где, под эгидой Империи, правили местные аристократы, так что Раббан, в привычных понятиях, был кем-то вроде полунезависимого князя. Споры и конфликты между владениями, разумеется, случались, но их решал имперский суд, а иногда – традиционный поединок бойцов двух спорящих сторон. Войн и набегов тут не знали, армия любого князя была не больше сотни человек, и край считался мирным и настолько тихим, что даже имперские гарнизоны тут не стояли, за исключением солдат, следивших за порядком на дорогах.

Разузнав, как добраться в поместье правителя, и осмотрев городок, совсем небольшой, но чистый и ухоженный, Тревельян завернул в обитель Братства, надеясь встретиться с почтенным Питханой. Явился сюда, попал на этот мрачный пир и спросить успел лишь об одном – где проживает премудрый магистр. Оказалось, что здесь, на третьем этаже обители, которая была просторнее и больше, чем те странноприимные дома, что попадались по дороге в Помо. Сообщив об этом, дарующий кров замолчал, всем своим видом намекая, что вопрос о встрече поднимать не стоит. Несвоевременное дело!

Когда от клыкача остались кости, а в кувшинах показалось дно, пастух Лагарна, старший в этой компании, поднялся, оглядел рапсонов, задержавшись взглядом на Тревельяне, и спросил:

– Кто знает дорогу?

– Я. – Вслед за Лагарной встал один из рапсонов, стройный юноша в сером пончо. – Я отведу вас к Раббану, а он уже даст проводников до нужного места.

К Раббану! Вот только зачем? Не успел Тревельян придумать первую гипотезу, как пастух сказал:

– Хорошо, Заммор, ты нас поведешь. Вооружаемся, братья, и в дорогу! – Его глаза опять остановились на Тревельяне. – Боги нам помогают – прислали в помощь крепкого воина.

– Трое всегда на стороне справедливости, – сказал Даббас, дарующий кров, и повел их в соседнюю комнату.

Там располагался арсенал. Взору изумленного Тревельяна предстало все, изобретенное на Осиере для защиты и нападения: кожаные доспехи и пластинчатые кольчуги, копья, дротики и метательные лезвия разнообразных форм, луки и арбалеты с солидным запасом стрел, большие и малые щиты, мечи с короткими и длинными клинками, прямые, изогнутые и с расширявшимся концом, ножи и кинжалы, секиры, боевые топоры и палицы. Отряд начал вооружаться, рапсоды натягивали доспехи и примеряли шлемы, а он все стоял и глядел, пока Даббас не коснулся его плеча:

– Мне кажется, этот панцирь тебе подойдет, Тен-Урхи. Большой и прочный, из кожи нагу... Бери его. Чем ты сражаешься? Рубишь секирой или мечом, жалишь копьем? Или стреляешь из арбалета?

Никто не спрашивал его согласия рубить или стрелять – это, кажется, само собой подразумевалось. Тревельян молча натянул доспех, выбрал подходящий шлем, взял пейтахский меч с длинным, слегка изогнутым лезвием, связку дротиков, арбалет и плотно набитый колчан. Лазерный хлыст в его сапоге стоял всей этой груды железа, дерева и кожи, но обращаться с холодным оружием Тревельян умел: стрелял он вполне прилично, а что до владения

клинком, то вряд ли в этом мире нашелся бы более искусный мастер. Глядя, как он проверяет баланс клинка, Лагарна одобрительно кивнул:

– Видно, ты опытный воин. Случалось биться за справедливость?

– Не раз, – с уверенным видом отозвался Тревельян. – Нынче последняя декада Второго Урожая, праздник на носу... В такие дни я особенно свиреп, ибо не могу дожидаться угощения.

Но пастух не улыбнулся на шутку, а только спросил:

– Где ты сражался?

– Где? Хмм... Повсюду. В северных и южных землях и здесь, на востоке.

– Отлично. Моя кровь – твоя кровь, Тен-Урхи. Если меня убьют, ты будешь старшим.

Вооружившись до зубов, они покинули обитель. Дом, как и другие дома Братства, стоял на городской окраине, у мощенного камнем пути, что вел на север, в Манкану. Ушли они тихо, не бряцая металлом, но все же Тревельян увидел жителей, стоявших во дворах или глядевших в окна и провожавших их молча, только взмахами рук и символом божественного круга, который чертили в воздухе. Ему показалось, что люди выглядят испуганными и что в глазах их светится надежда.

По имперскому тракту «десантники» прошли не больше километра, свернув затем на другую дорогу, не такую широкую, без каменного покрытия, но прямую и с плотно утоптаным грунтом. Тревельян шагал по ней след в след за Лагарной и молодым Заммором, и с каждой секундой Братство Рапсодов превращалось в его воображении в рыцарский орден, в содружество не только певцов, но воинов. Рапсоды, трубадуры? Нет, скорее скальды, владевшие мечом не хуже, чем лирой и голосом. Он уже не сомневался, что специалисты Базы что-то упустили, проглядели нечто важное в этом союзе, возникшем в неведомые времена – может быть, еще до основания Империи. Что ж, подумал он, тем интереснее разобраться и выяснить правду.

Дорога уходила в лес, такой дремучий, что казалось, он стоит тут с сотворения мира. Ветви огромных деревьев переплетались в вышине, меж огромных стволов, покрытых бугристой корой, поднимался гигантский папоротник, багровели мхи, падал дождь лиан, и по любой опоре карабкалась к небу и свету лоза с узкими, похожими на лезвие кинжала листьями. Лес был живым, полным звуков, шелеста листьев и птичьего щебета. Временами мелькали за деревьями мощные серые туши клыкачей или пятнистая шкура хищной кошки, гулко и громко ухала какая-то птица, скакали по ветвям древесные кролики, маячили среди листвы рыжие пацы, и их назойливое бормотание – пц-пц-пц!.. – звучало со всех сторон. Дорога, однако, была ровной и сравнительно прямой – вероятно, за ней следили и вырубали подлесок.

Тревельян прибавил шаг, поравнялся с Лагарной, вооруженным щитом и копьем, и спросил:

– Скажи, достойный... Ты ведь пастух, а значит, наставник и учитель. Какому искусству ты обучаешь?

– Танцам и изящным манерам, – ответил тот, касаясь наушного украшения, серебряной фигурки плясуна с малахитовой подвеской. – Но не только этому, рапсод, не только этому! – Лагарна потряс копьем, и на его губах мелькнула мрачная усмешка.

Дорога пошла вверх, лес стал светлее, деревья раздвинулись, давая место остроконечным каменным глыбам, скалам и осыпям. Вверху, в разрывах крон, синело небо, и золотистый Ренур изливал на землю полуденный зной. Тревельян прикинул, что от Помо они отшагали километров пятнадцать и что в этом ровном темпе доберутся до поместья к началу Заката. Трое в их отряде несли щиты и копья, двое – топоры и луки, остальные, как он, вооружились мечами и арбалетами. Судя по всему, острая губительная сталь была рапсодам столь же привычна, как нежные флейты и сладкозвучные лютни. Их лица под налобни-

ками шлемов казались грозными, мрачными, но спокойными. Лица людей, которые должны исполнить пусть неприятный, но почетный долг.

Они преодолели ручей с каменистым дном и вошли в ущелье, неширокое и живописное. Дорога начала петлять, огибая утесы цвета охры, покрытые пятнами лишайников и хвойными лианами; теперь она просматривалась не больше, чем на десять-пятнадцать шагов. Командор снова пробудился и посоветовал не хлопать ушами, а выслать передовое охранение. Но Лагарна, видимо, не был новичком в воинском искусстве и обучал не только танцам: по его команде проводник Заммор и еще один воин быстро двинулись вперед.

Услышав, что за спиной затеялся негромкий разговор, Тревельян решил, что соблюдать молчание необязательно, и посмотрел на шагнувшего рядом рапсода. Звали его Паххат, и был он еще моложе Заммора.

– Подходящая у нас компания, учитель танцев и восемь музыкантов и певцов, – с улыбкой молвил Тревельян. – Хватит, чтобы повеселить Раббана, его родню и слуг, и научить их изящным манерам.

Но юный Паххат не принял шутки. Дернув отвисшее ухо – типичный жест для человека его расы, – он хмуро заявил:

– Мы идем не веселить, не петь и танцевать, и учить не будем тоже. Проучим и покараем, так вернее! Как подобает судьям и стражам справедливости!

Стражи справедливости? Это Тревельян услышал не в первый раз. Так его назвал Куссах Четыре Пальца, пират и разбойник... Видимо, эти слова были не лестью уstraшенного злодея и не мольбой о милости, а чем-то большим; может быть, почетным титулом, что говорил о назначении рапсодов и всего их Братства. Возможно ли такое?.. – думал Тревельян, меряя дорогу быстрыми шагами. Петь, учить и складывать сказания – это с одной стороны... С другой, судить и карать, присвоив важные прерогативы имперской власти... А как любая власть относится к подобному деянию? Известно как! Резко отрицательно, вплоть до виселицы, плахи и костра для самозванных судей. Хотя в земной истории были особые институты суда и кары, освященные традицией, – божий суд, суд чести, дуэль и рыцарские поединки... В Средневековье эти феномены уживались с властью, пользуясь даже почетом и общим признанием – в точности, как Братство Рапсодов. Все зависело от ситуации, и, значит, здесь и сейчас она сложилась так, что имперская власть не хочет или не может рассудить Раббана с его оппонентом.

«Я еду в Помо, – припомнил Тревельян лукавые речи прелестной попутчицы. – Ты мог бы там меня навестить или отправиться прямо со мной. Раббан будет рад и примет тебя с почетом...»

«Еще как будет рад!» – молчаливо согласился он. Еще один меч в отряде приглашенных судей! Больше мечей, больше веских доводов, больше надежды на успех... Но кто же так насолил бедняге Раббану?

Любопытство мучило его. Покосившись на юного Паххата, он промолвил:

– Я появился в Помо сегодня на Восходе, а потому не знаю, к кому мы идем и кого покараем. Неужели Раббана, правителя Северного Этланда?

– В Северном Этланде Раббан уже ничем не правит, – ответил, услышав его слова, рапсод постарше, которого звали Форрер. – Что значит править? Сбирать налоги, судить спорящих, поддерживать в стране порядок. А Раббан...

– ...налогов точно не собирает, – с сухим смешком подсказали сзади.

– Это так, – кивнул Форрер. – Их собирает другой, в двойном размере, сдирает шкуру с поселян, чтобы прокормить свою дружину. Город пока откупался... Но и до Помо дойдет черед, когда опустеют сундуки купцов и мастеров!

– У этого другого есть имя?

– Конечно. Аладжа-Цор, так его зовут. Аладжа-Цор из Мад-Аэга.

– Из самой имперской столицы?

– Да. Он...

Протяжный свист прервал Форрера. Семь воинов ринулись вперед, обогнули утес, что наполовину перегораживал ущелье, и оказались в расширении, на сравнительно ровной площадке, усыпанной щебнем и камнями величиной с кулак. Скалы тут отступали влево и вправо на полсотни метров, склоны их были пологими, заросшими кустарником и хвойными деревьями, чьи искривленные стволы служили насестами двум десяткам лучников. Еще тридцать или сорок бойцов стояли плотной шеренгой посреди дороги, а перед ними – Заммор и сопровождавший его рапсод. Большая часть противников относилась к северной континентальной расе, как и их предводитель, рослый воин в кольчуге, с огромным топором.

– Люди Аладжа-Цора, – бросил Лагарна и выступил им навстречу. Два щитоносца с копьями тут же прикрыли его с обеих сторон.

«Говорил я, будет драка, – раздался бесплотный голос командора. – Ты поаккуратней, мальчуган... Не нравятся мне эти козлы на флангах... Как бы стрелу тебе в зад не всадили».

Но Лагарна, похоже, таких опасений не испытывал. Повелительно взмахнув рукой, он распорядился:

– Прочь с дороги! Не пытайтесь нас остановить! Помните: поднявший руку на Братство лишится руки, а вместе с нею – крови и жизни. Не споют над ним погребальных гимнов, и прах его не попадет к Таван-Гезу – сожрут его плоть лесные хищники, а ночная птица выклюет глаза.

– Клянусь духами бездны, мы не хотим проливать вашу кровь, – с мрачным видом ответил рослый предводитель. – Не пугай нас, пастух, отправляйся в Помо и уводи своих воинов. Аладжа-Цор, наш благородный повелитель, вам ничего не должен.

– Об этом мы с ним поговорим и рассудим от имени Братства. А сейчас убирайтесь!

В глазах предводителя разгоралась ярость. Он оглянулся на своих бойцов, крепче перехватил рукоять топора и процедил сквозь зубы:

– Убирайся ты! Будь ты хоть трижды из Братства, но людей-то больше у меня! И воины они не из последних! Как и я сам! Я, Майлавата, служивший туаном в войске у...

– Ты мешок с дерьмом в ржавом доспехе, – с оскорбительной усмешкой произнес Лагарна и тут же отпрянул назад. Топор его противника сверкнул на солнце и опустился, задев плечо пастуха. Кажется, в этом был некий расчет – Лагарна мог двигаться быстрее, но не спешил, словно желая получить ранение. Совсем пустяковое – пониже наплечника доспеха заалела мелкая царапина.

– Они пролили первую кровь, – прорычал Форрер, выхватывая меч. – Первая кровь, братья!

В следующий миг Лагарна ударил предводителя копьем. Ударил нижним концом древка в колено, сшиб наземь, проткнул горло острием и проделал все это словно пирует в изящном танце. Грохнув, сомкнулись три щита, и пастух с двумя певцами, орудя копьями, ринулись на врагов и проломилы строй, оставив на земле четыре трупа. Остальные рапсоды, бросив свои мешки с поклажей и инструментами, шагнули следом, обрушив на людей Аладжа-Цора мечи и топоры. Трещали кости, лилась кровь, падали мертвые и раненые, и Тревельян успел подумать, что стражей справедливости не зря боятся – соперничать с ними в боевом искусстве было нелегко.

Мысль мелькнула и тут же оставила его. Мощным ударом он рассек рукоять топора, пробил панцирь, всадил клинок меж ребер схватившегося с ним воина, вырвал стальное жало, полоснул по шее другого противника, отступил, сделал финт, поразил в живот вражеского меченосца, а возникшего ему на смену рубанул по спине. Рапсоды смешались с отрядом врагов, и лучники, засевшие на склонах ущелья, стрел не метали, опасаясь попасть в

своих. Но командор был прав – угроза с флангов была очевидной. «Этих мы перебьем, – подумал Тревельян и снес голову очередному нападавшему, – перебьем, а после что? Или нас тут положат, или стрелки устроятся и сбегут...» Он заметил, что арбалетов его соратники не бросили – выходит, были готовы помериться силой и с лучниками Аладжа-Цора.

Схватка распалась; каждый рапсод бился с двумя-тремя противниками, но было заметно, чтобы те одолевали. Совсем наоборот: то и дело сквозь лязг железа, топот и тяжелое дыхание сражавшихся прорывались вопли раненых врагов и предсмертный хрип прощавшихся с жизнью. Среди троих, атаковавших Тревельяна, один был мускулистым великаном, бледнокожим, с безволосой головой. Такие ему еще не попадались – этот боец был, несомненно, из южан, и факт его присутствия в отряде являлся нарушением имперской монополии. Варваров с Дальнего Юга вербовали только в войска Империи, и не было для них иного способа попасть в цивилизованные земли. Этот, возможно, беглый наемник, решил Тревельян. С секирой умеет управляться...

Умел, поправился он, проткнув великану сердце. Двое других тут же швырнули мечи и побежали, за ними помчался еще десяток побежденных, и тут же закричал Лагарна: «К скалам, братья! Снимайте лучников!»

Воины, бросив мечи и секиры, понеслись к подножию утесов, разыскивая укрытия среди камней. Это маневр был совершен с такой быстротой, словно никто не чувствовал усталости после боя, но улыбнулась удача не всем. В воздухе запели стрелы, один из рапсодов споткнулся на бегу и рухнул навзничь. Потом раздался гневный рык Лагарны: две стрелы вонзились в его щит, третья попала в колено, лишив подвижности. Пастух упал, пополз, волоча раненую ногу, и новый снаряд ударил его в затылок. В то же мгновение свалился и Тревельян; мучительная боль пульсировала в бедре, чуть пониже края доспеха, защищавшего живот.

Он успел забиться в щель между камней.

«Говорил я тебе, задницу береги! – рявкнул командор. – Ну, что там у тебя?»

«Кость не задета, в мясо вошло», – отозвался Тревельян, срывая со спины арбалет.

Прячась за каменной глыбой, он послал три стрелы, сбив двух лучников. Остальные рапсоды тоже стреляли, и не хуже, чем рубились в рукопашной – несколько тел рухнули с высоты, кое-кто повис в кустах мертвым грузом. На залитой кровью площадке тоже лежали трупы, а пятеро раненых хрипло стонали и молили кто о милосердии, кто о помощи. Но дожидаться ее от лучников, их сотоварищей, было не суждено. Все они попали в ловушку и двинуться с места не могли: внизу их поджидали копья и клинки рапсодов, а путь вверх тоже был дорогой к смерти – меткая стрела нашла бы каждого. Наконец Форрер помахал арбалетом и крикнул:

– Спускайтесь, отродье пацев! Спускайтесь, забирайте раненых и идите прочь! Слово рапсода, мы вас не тронем!

Лучники боязливо слезли, прирезали двух тяжелораненых и, оглядываясь, чертя круги над сердцем, заковыляли по ущелью. Когда они скрылись, шесть рапсодов покинули свои убежища. Тревельян тоже выполз из щели и сел, прислонившись к камню спиной. Нога, пробитая стрелой навывлет, онемела ниже колена, рану жгло, штанина набухла от крови, но медицинский имплант уже трудился вовсю. Он мог спасти от инфекции, восстановить потерянную кровь, ускорить регенерацию тканей; он мог многое, кроме одного: вытащить стрелу. Тут Тревельяну приходилось полагаться только на собственные руки.

К нему подскочили Форрер и еще один рапсод по имени Тахниш.

– Мы поможем, брат! – Тахниш снял с пояса флягу с вином. – Выпей все, и ты не почувствуешь боли, когда мы станем тащить стрелу.

– Я сделаю это сам. – Под их напряженными взглядами Тревельян обрезал наконечник стрелы кинжалом, стиснул оперенье в липкой от крови ладони, выругался и дернул. Рана

полыхнула огнем, но жжение сразу утихло – имплант впрыснул болеутоляющее. Тревельян посидел минуту, потом, вытерев пот со лба, поманил Тахниша:

– Давай твое вино. Сейчас будет в самый раз.

Глядя, как он пьет, Форрер сказал:

– Сам грозный Таван-Гез благоволит тебе, но и Заступница не забывает. Ты не только великий воин, Тен-Урхи, ты еще и очень терпеливый человек.

– Знал бы ты, какой я рапсод! – Тревельян через силу улыбнулся. – Услышавший мою игру рыдает так, что слезы тут же становятся серебряными монетами.

– Ты еще сыграешь, брат! Руки твои целы, а нога... нога заживет. Сейчас мы ее перевяжем.

Необходимости в этом не было, но отказ удивил бы его товарищей. Он позволил Тахнишу обрезать штанину, и тот принялся поливать бедро каким-то жидким снадобьем и обматывать чистыми тряпицами. Тем временем четверо рапсодов принесли тела погибших, положили на землю, сняли доспехи и занялись подсчетом собственных убытков. Помечены были все, кто в руку, кто в плечо, но, к счастью, то были не раны, одни царапины. Наконец, бросив печальный взгляд на тело Лагарны, Форрер описал круг у сердца и произнес:

– Погибли два наших брата, а Тен-Урхи, наш новый предводитель, ранен и не может идти. Что будем делать? Отправим ли кого-нибудь за помощью к правителю Раббану, чтобы прислали нам фургон и лошадей? Или вернемся в Помо и соберем новый отряд, дождавшись нескольких братьев, что бродят по дорогам Этланда? Или...

Тревельян прервал его нетерпеливым жестом:

– Берите копья, снимайте с убитых злодеев плащи, делайте носилки! Мы не вернемся в город, а пойдем к Раббану. Он призвал нас на помощь, и не годится о чем-либо просить его.

Форрер кивнул и принялся вместе с другими рапсодами мастерить носилки. Они не могли бросить здесь тела погибших братьев без надлежащего погребения. Их полагалось сжечь, а прах развеять над морем или над рекой, которая впадает в океан, чтобы останки когда-нибудь, через много-много лет, очутились у Оправы Мира и попали в руки трех богов. Юный Тавангур-Даш поможет им соединиться с блуждающими душами и ответит на суд к отцу, грозному Таван-Гезу, а там каждый получит по заслугам: одни возвратятся на Осиер людьми, другие – змеями, ящерицами и мерзкими пацами, а третьи не возвратятся вовсе, а попадут в бездну демонов.

– Тебя мы тоже понесем, – сказал Форрер, оборачиваясь к Тревельяну.

– Нет. – Он пощупал ногу и убедился, что рана уже закрылась. – У меня все быстро заживает. Ты правильно сказал, Форрер – Заступница ко мне милостива. Я могу идти.

И они пошли.

* * *

Дворец правителя Раббана был выстроен в старопибальском стиле, совсем не похожем на деревянное зодчество Хай-Та и Этланда. Насколько Тревельян разбирался в местной архитектуре, столь же разнообразной и многоликой, как земная, пибальские дворцовые постройки всегда врезали в склон горы или холма, располагая их ярусами. Дворец Раббана именно так и выглядел: три трехэтажных каменных квадрата с внутренними дворишками стояли один над другим на широких террасах, соединенных лестницами и засаженных декоративным кустарником и цветами. Здания были древними; их, вероятно, возвели в эпоху Дорожной Войны, когда Империя пробивалась на восток. Белый бугристый известняк стен, уступчатая структура, прихотливые извивы лестниц и узкие, подобные трещинам окна делали дворец неотъемлемой частью пейзажа, холмов и скал, дремучего леса, ручьев,

водопадов и небольшого гейзера, который четырежды за день наполнял целебными водами несколько бассейнов.

Едва отряд вышел из леса, как на лестницы и плоские крыши зданий высыпало сотни две народу – лучники и стражники с пиками, служанки и слуги в ярких просторных одеждах, какие-то важные господа, над которыми держали зонты, – возможно, гости или помощники правителя. Затем звонко и пронзительно запела труба, на нижнюю лестницу выскочили из ворот воины в начищенных до блеска бронзовых шлемах, а за ними – целая орда псарей, конюших и дворцовых служителей, сопровождаемая собачьей сворой. Наконец появился человек в имперском обтягивающем платье, расшитом золотом, высоких сапогах и венце, сиявшем драгоценными камнями. Рука об руку с ним шла стройная женщина, в которой Тревельян узнал Чарейт-Дор, а дальше торопились прислужники с опахалами и табуретами, виночерпии с подносами и кувшинами, сигнальщики с горнами и два десятка стражей.

Тарли, местные псы, добрались до рапсодов первыми. Вероятно, то была охотничья порода: крепкие челюсти, длинные ноги, толстые мощные загривки. Прыгали они здорово – на радостях, а может, дожидаясь команды хватать и рвать. За ними примчались псаря и солдаты; первые отогнали собак, вторые выстроились в две неровные шеренги, сверкая пиками и шлемами в лучах заходившего солнца. Слуги развернули ковер, поставили табуреты, служанки с опахалами и виночерпии с кувшинами встали по обе его стороны, и перед запыленными, покрытыми кровью рапсодами появился сам правитель со своей сестрой. У него был сильный низкий голос:

– Разделяю ваше дыхание. – Раббан оглядел их отряд и в волнении потянулся к моче уха. – Но что я вижу! Вы в крови, на ваших доспехах следы ударов, и двое лежат на носилках... Раненые? Или мертвые?

– Мертвые, правитель, – сказал Тревельян, кланяясь Раббану и, отдельно, Чарейт-Дор. – По дороге нам встретились воины Аладжа-Цора, и, должен заметить, были они не очень почтительны. Пришлось преподать им урок.

Кажется, он все сказал правильно – Форрер, Тахниш и другие рапсоды с одобрением закивали. Правитель сдвинул густые брови. Ему было не меньше пятидесяти, и выглядел он человеком восточной расы, о чем говорило его имя. Либо Чарейт-Дор состояла с ним в отдаленном родстве и называла братом из вежливости, либо родилась от второй жены их общего отца, чистокровной женщины Империи. По данным Фонда, браки между богатыми аристократами востока и запада и девушками из мелкого имперского дворянства не являлись редкостью.

– Тква, Лабро! – громко выкрикнул Раббан имена слуг. – Заберите тела павших рапсодов, обмойте их, облачите в лучшие одежды и положите на поленья из благовонного дерева. Завтра мы попросаемся с ними – да будет милостив к их душам великий Таван-Гез! Захи и вы, три бездельника! Для живых вызвать лекарей, приготовить омовение в целебном бассейне и трапезу в Охотничьем зале. А сейчас – всем вина! Снимайте доспехи, доблестные братья, садитесь и отдохните!

Слуги забегали, заматались, засуетились. «Хорошо встречают, с почетом, – одобрил командор. – И малышка наша тоже здесь. Заметил, как глазки-то разгорелись? Смотрит на тебя, как десантник на бифштекс, особенно после корабельного рациона!» – «Женщины любят героев», – скромно ответил Тревельян, принимая из рук виночерпия кубок. Вино было отменное; скорее всего, не пибальское, а из-за хребта, из южной Провинции Фейнланд.

– Ты – Тен-Урхи, тот самый Тен-Урхи, который поет чудесные песни и интересуется Дартахом. Сестра рассказывала о тебе, рапсод, и вот ты здесь. – Раббан осушил кубок и бросил его в толпу служителей, не глядя, кто поймает. – Но не будем сейчас о Дартахе. Ты сказал, что люди Аладжа-Цора получили урок... Он был для них полезен?

– Скорее для стервятников и лесных кошек, что пируют сейчас над трупами, – сказал Тревельян, а Форрер добавил:

– Мы убили тридцать человек, правитель. Ты знаешь, сколько еще осталось?

Раббан сдвинул на затылок свой венец, лоб его пошел морщинами.

– Думаю, семь или восемь десятков. Но захотят ли они биться со стражами справедливости? Аладжа-Цор – да будет он проклят тремя богами! – набрал злодеев и дезертиров из войска, грабит деревни и кормит своих людей неплохо. Но все же не так хорошо, чтобы они рискнули кровью и достойным погребением! – Он оглядел рапсодов, задержавшись взглядом на забинтованной ноге Тревельяна. – Кто из вас вызовет его?

– Я, – произнес Тревельян, послав сестре правителя нежную улыбку. – Хотя, сказать по правде, я рассчитывал провести здесь время приятнее.

– Изучая манускрипты Дартаха? – лукаво молвила Чарейт-Дор.

– Да, если не представится ничего интересней.

Представится, сказали ее глаза, непременно представится!

– Аладжа-Цор – серьезный противник, он обучался фехтованию у лучших мастеров, – промолвил Раббан. – А ты ранен!

– Пустяки, – Тревельян поднялся. – Но чем скорее мы с братьями доберемся до бассейна и стола, тем крепче будем в битве. Ты позволишь, правитель?

Он предложил руку Чарейт-Дор, и процессия, во главе с Раббаном и рапсодами, потянулась к лестнице. Тревельян со своей спутницей приотстали.

– Ты не очень торопился, – надув губки, сказала Чарейт-Дор. – Ты заставил себя ждать.

– Зато пришел не один, моя прекрасная госпожа. Только не понимаю, кого ты ждала: стража справедливости, рапсода или мужчину по имени Тен-Урхи.

– Это так важно? Может быть, всех троих, может быть, ни одного... Посмотрим!

– Посмотрим – это не ответ, – промолвил Тревельян, обнимая Чарейт-Дор за талию.

«В атаку, парень! – рявкнул командор. – Смелее! Помню, когда я в четвертый раз женился... Дьявол! Как же ее звали?... Ну, не важно. В общем, когда я женился в четвертый раз...» – «Мои планы не простираются так далеко», – урезонил его Тревельян, чувствуя трепет женского тела под тонкой воздушной туникой.

Чарейт-Дор насмешливо покосилась на него, но дерзкую руку не сбросила.

– Интересно, чего же ты хочешь, рапсод? Тебя искупают в бассейне и накормят досыта, нальют лучшего вина, насыплют в кошелек монеты... Ты ляжешь в мягкую постель и сладко уснешь, а на следующий день будет тебе развлечение – смертельный бой, и не с каким-нибудь голодранцем, а с имперским нобилем. Что еще нужно мужчине?

Тревельян обнял ее покрепче, бросил взгляд на свое забинтованное бедро и сказал:

– Этому мужчине нужны сочувствие и женская ласка. И, разумеется, новые штаны.

* * *

Охотничий зал был велик, освещен по вечернему времени лампадами на благовонном масле и украшен трофеями хозяина: дюжиной голов клыкачей и оленей, чучелами хищных лесных кошек, саламандр и пацев, от шерсти которых еще заметно пованивало, птицами как в роскошном оперении и прочим в том же роде. Жемчужиной коллекции являлась условно голова нагу, жуткой рептилии, почти дракона, водившейся в болотах на границе с Манканой. Под этой тварью, чья пасть могла отхватить человечесью голову, а кожу с трудом пробивало копьё, стояло кресло Раббана. Семеро рапсодов разместились вдоль одной стороны стола, а другую заняли Чарейт-Дор и три приближенных правителя, чьи имена и должности огласили слишком быстро и неразборчиво. Один был тучен, уши другого едва не касались плеч, а третий не выделялся ничем, кроме очень маленьких хитрых глазок. Чарейт-

Дор сидела напротив Тревельяна, и иногда ее ножка, в лучших куртуазных традициях, касалась его башмака.

Ели и пили в молчании, ибо, хоть в осьерских странах не знали обычая, подобного тризне, о погибших не забывалось, и вино не дарило того беззаботного веселья, какое бывает в компании певцов и музыкантов за столом у щедрого хозяина. Но, когда в небе вспыхнула Ближняя звезда, языки все же развязались, хотя говорили больше о печальном и серьезном. Хитроглазый, оказавшийся жрецом, поведал, что к завтрашнему похоронному обряду все готово: павшие обмыты и облачены в достойные одежды, но, быть может, надо надеть на них доспехи? Традиций Братства по этому поводу Тревельян не знал, однако Форрер не задержался с ответом, пояснив, что доспехи ни к чему, но с погибшим рапсодом нужно сжечь его лютию. Затем толстяк, сборщик налогов в Северном Этланде, принялся долго, нудно и подробно перечислять обиды, чинимые Аладжа-Цором и его разбойными людьми, поминая ограбленных купцов, разоренные деревни, угнанные стада и убитых поселян, рискнувших оказать сопротивление. Тревельян слушал и удивлялся, отчего бы правителю не взять своих солдат и не покарать злодея – а если солдат у него не хватает, то почему бы не обратиться за помощью к соседям, а то и вызвать имперские войска. Спросить? Но остальным рапсодам вроде бы все ясно... Он боялся попасть впросак, а тут еще Чарейт-Дор отвлекала – глядела на него многозначительно и тянулась резвой ножкой к его колену. Должно быть, хотела намекнуть, что пора от стола и в постель.

Тревельян, собственно, был не против, но тут речь зашла о бунте в Манкане и воинах, посланных Светлым Домом на мятежников. По слухам, их было пять или десять тысяч, и к ним примкнул – а может быть, и поднял бунт – манканский нобиль по имени Пагуш. Что послужило причиной беспорядков, определенно никто не знал: то ли Пагуш воевал с властителем Манканы из-за каких-то притеснений, то ли поднялся на Гзор, соседнюю страну, желая округлить свои владения, то ли хотел отселиться на новые земли. Услышав об этом, Тревельян насторожился. Феодалная междоусобица? Возможно, возможно... Но могли быть и другие причины. Манкана являлась одной из стран Пятипалого моря и примыкала к нему, вместе с Гзором, с севера. Обе эти державы были обширны, но довольно бедны; других товаров, кроме строевого леса, меда, рыбы и зерна, у них не водилось. Поэтому купцы посещали их редко, а своих кораблей, кроме баркасов, в Гзоре и Манкане не строили. Однако чем черт не шутит! Все же манканцы были не сухопутным народом, их побережье тянулось на триста километров, а где море, там и рыбаки. Значит...

Игривая ножка Чарейт-Дор снова прервала раздумья Тревельяна. На этот раз к ножке кое-что добавилось – взглядом она показала на дверь. Но тут ловчий, тот самый длинноухий тип, заговорил об имперском войске, посланном на подавление бунта. Он полагал, что армия пройдет над Рориатом по мосту, достигнет Помо и будет двигаться на север, к горам Ашанти, что разделяют Манкану и Гзор. Маршрут подходящий, подумал Тревельян. Отчего бы не присоединиться к войску и не проверить, что творится в Манкане?.. Планы у него были самые неопределенные; в принципе, он хотел добраться до имперских Архивов, где могли сохраниться какие-то записи об экспедициях на запад и восток, а также о паровых машинах, бумаге, компасе и остальных эстапах. Но это являлось перспективой, а в данный момент он был озабочен лишь судьбой Дартаха и randevu с Аладжа-Цором и мудрым Питханой. Три дела – не считая, конечно, Чарейт-Дор.

Она снова напомнила о себе, лягнув его в коленку. Затем с пленительной улыбкой повернулась к брату:

– Наш гость Тен-Урхи хотел взглянуть на те пергаменты, что сохранились после Дартаха. Кажется, они в книгохранилище?

– В шкафу, – уточнил Раббан и задумчиво поднял вверх глаза. – Я помню этого Дартаха... мне стукнуло лет двенадцать, когда он умер... В Экбо он был наставником нашего достойного родителя, и его почитали как великого картографа. Жаль, что он тронулся умом! Отец его пригрел, и здесь, в нашем доме, он прожил много лет. Смерть его была тихой.

– Чем он занимался? – спросил Тревельян, не обращая внимания на пинки в колено.

Правитель дернул мочку уха.

– Учил меня, как рисовать карты и измерять по ним расстояния. Еще бродил по комнатам и лестницам, рассказывая слугам, что мир не плоская земля в Оправе Перстня Таван-Геза, а огромная сфера, висящая в пустоте. Интересно, на чем она тогда держится? – Раббан расхохотался, глотнул вина и подмигнул Тревельяну: – Можешь взглянуть на его записи. Кстати, книгохранилище рядом с покоями моей сестры. Она тебя проводит.

Тревельян поднялся, отвесил поклон и следом за Чарейт-Дор вышел из Охотничьего зала в патио. Этот внутренний дворик третьего яруса украшали привезенные из Семи Провинций изваяния чудищ асинто, полуконей-полузмей; их, согласно «Анналам Разбитых Зеркал», запрягали в свои боевые колесницы воины Уршу-Чага Объединителя. Небо затянули тучи, и только слабый свет Ближней звезды да пара факелов у входа в зал позволяли разглядеть массивные мраморные тела мифических тварей.

– Твой брат умен и очень предупредителен, – молвил Тревельян. – Он так угадывает наши желания, точно способен видеть сквозь стол.

– Мой брат уже немолод, и у него нет наследника, – ответила Чарейт-Дор. – Вся надежда на меня и на тебя.

«Тут ты промахнулась, милая», – подумал Тревельян, но вслух сказал: – Но я ведь не нобиль, моя прекрасная госпожа. Я всего лишь бедный бродячий рапсод.

– Ты – мужчина с берегов моря Треш. Чистокровный, что редкость в наших краях, и это значит очень многое. – Она с нежностью потрепала его бакенбарды. – Будь у моего брата такое украшение на лице, он поговорил бы с Аладжа-Цором. Так поговорил бы, что этот гнусный пац отправился бы в путешествие к Оправе Мира!

Они медленно спускались по лестнице на второй ярус. Начал накрапывать дождь, но, против ожидания, Чарейт-Дор не торопилась под крышу.

– Твой брат не кажется боязливым человеком, – заметил Тревельян. – Странно, что он позвал рапсодов, а не разделался с Аладжа-Цором сам. Он мог бы воззвать к правосудию Светлого Дома... мог бы потребовать солдат... Тем более что они скоро будут здесь – те, что идут в Манкану.

Чарейт-Дор остановилась и удивленно уставилась на него. Тонкая туника женщины намочила под дождем, облепила высокую грудь, обрисовала бутоны сосков.

– Ты... ты не понимаешь? О Тен-Урхи, поистине ты явился к нам из очень далеких краев! Или ты так увлечен своими песнями и поиском древних легенд про Уршу-Чага, что мирские дела не трогают твой ум!

– Скорее второе, чем первое, – сказал Тревельян, чувствуя, как струйки текут за шиворот и по спине. – Я не понимаю. Так объясни!

– Аладжа-Цор – один из Восьмисот. Больше того, его семья из Нобилей Башни! Его отправили сюда в изгнание за какой-то проступок – кажется, он дрался с благородным из Светлого Дома и убил его или ранил... Он наказан, но здесь ни один чиновник не осудит его, ни один солдат не станет с ним сражаться, ибо род его высок. Он занял крепость на границе с Манканой, набрал воинов и вытесняет Раббана из наших фамильных владений. Ты о таком разве не слышал? Приходит знатный человек из Семи Провинций, выбирает место получше, город побогаче, селится там – и через несколько лет он уже правитель. Потому ли, что прежний умер вместе с наследником, или потому, что он женился на дочери прежнего владыки. – Она помолчала и тихо добавила: – Или на его сестре...

Они спустились во внутренний дворик, засаженный пальмами, и стояли теперь под дождем, не прячась от прохладных струй. Тревельян взял женщину за руку.

– Тебя он не получит, клянусь в том милостью Трех! Я понял, моя госпожа. Светлый Дом не хочет помочь, соседи боятся, и самому опасно поднять руку на Нобилия Башни... И тогда призывают стражей справедливости, так? Стражи приходят и делают кровопускание наглицу. Но если у него сотен пять воинов, стрелки, колесницы и метательные машины, стражи могут не справиться. И что тогда?

– Воины тут ни при чем, – тихо сказала Чарейт-Дор. – Ни один нобиль не откажется от поединка. Эта потеря чести. – Она запрокинула лицо и вдруг рассмеялась. – Ты утомил меня своими разговорами, Тен-Урха! И я вся мокрая! Мы оба мокрые, и нам надо выпить вина и согреться! В моей опочивальне есть бассейн с теплой водой, совсем маленький, только на двоих... Книгохранилище – там, – она показала на входную арку справа, – а мои покои – тут. Куда пойдём?

– Конечно туда, где можно согреться, – сказал Тревельян и подхватил ее на руки.\

Глава 5 ЗАМОК

Шагая по лесной тропе следом за двумя проводниками, Тревельян размышлял о пользе традиций. Традицию не стоило путать с законом, ибо закон – творение властимущих, которые корыстны, пристрастны и всякое дело хотят повернуть к собственной выгоде. Даже такое, казалось бы, благородное, как наведение порядка и законности в хаосе традиций и обычаев. Но этот хаос был фундаментальным, как беспорядочное движение мелких частиц, атомов и молекул, на котором держалась Вселенная с ее светилами, туманностями, планетами, со всем, что было мертвым и живым, от песчинки до амебы и от амебы до человека. Подчиняясь социальной термодинамике, хаотические поступки миллионов людей за многие тысячи лет, складываясь и вычитаясь, делясь и умножаясь, давали в итоге некое правило, полезное для всех. Глупая власть его отменяла, умная старалась как-то приспособить для себя, зная, что в данном случае запреты и отмены не сработают. Даже больше: явятся источником такого катаклизма, который им не пережить и даже не увидеть, ибо в самом начале волнений их вздернут на фонарь.

Империя являлась властью умной. Распространяясь по континенту, захватывая и подчиняя другие расы и иные страны, насаждая свой закон, она на первых порах стремилась не к тотальному господству, а к деловому соглашению. На фоне грядущих столетий война и насилие были явлениями краткими, после которых полагалось удержать проглоченный кусок, переварив его без желудочной колики. Самый удобный способ – договориться с местной знатью, и если не включить ее в круг избранных, то хотя бы приблизить к нему, давая гарантии права на власть, богатство и земли. Как все договора между сильным и слабым, этот тоже нарушался, но по-хитрому: год за годом, век за веком шла ассимиляция и вытеснение иноплеменных знатных семейств, когда через браки, когда прямым захватом отчего наследия или иными путями. Но этот процесс был сбалансирован: Империя не возражала, если самых наглых, самых злобных, творивших жестокости и бесчинства, делали на голову короче. Самоочищающийся организм должен вырабатывать гормон, который поглотит раковые клетки, убьет инфекцию, а тканям здоровым и чистым дарует бодрость. Таким гормоном, механизмом очищения, и было Братство. Десятки тысяч глаз во всех краях и странах, десятки тысяч рук, готовых взяться за мечи во имя справедливости, но лишь тогда, когда безмолвствовал закон. В такой момент певцы вдруг превращались в рыцарей, искоренявших зло с непревзойденным боевым искусством, ибо клинками они владели так же хорошо, как флейтами и лютнями. Будучи древней традицией, Братство стояло над законом, но не спорило с ним, не посягало на власть Империи, очевидно понимая, что какая-то власть нужна, а эта не хуже прочих. Так они и жили, странствуя по свету; рапсоды, музыканты, учителя, философы, а если нужно – судьи справедливости и палачи.

Может быть, что-то еще? – размышлял Тревельян. Какие еще функции упустили наблюдатели с Базы? Он вспоминал свой спор с Хурлиулумом в Рори и, хоть та беседа не внушала особых надежд, думал, что внедрение эстапов было бы эффективнее, если бы их поддержало Братство. Скажем, верховая езда... Отчего бы рапсодам не усесться в седла, ведь они так похожи на рыцарей!

Нет, не похожи, поправил он себя самого. Непоседы, сказал Хурлиулум, те, кого манят дороги, новые встречи, приключения... Еще – стражи справедливости... По сути, они истинные паладины без страха и упрека, тогда как земные рыцари сражались за власть, богатства, земли и почет. Каждый в отдельности и все вместе! Тевтонский орден, госпитальеры, рыцари Храма жаждали власти и земель и были уничтожены, ибо того же хотелось князьям и коро-

лям. Неизбежный конфликт... А здесь иное, подобное скорей традиции Востока, бродячим буддийским монахам, мастерам кунг-фу, защитникам обиженных...

Однако рапсоды не монахи! Совсем не монахи, если вспомнить Чарейт-Дор и прошедшую ночь! Жаль, что он не может подарить ей ребенка... Ничего, кроме страстных объятий и воспоминаний... Ну, может быть, еще голову Аладжа-Цора...

Тропа вывела их в поле, а затем в небольшую деревушку. Три дома из дюжины в ней были сожжены, у руин крайнего висел на столбе мертвый мужчина, со знанием дела насаженный на крюк. Другие жилища носили следы погрома, и сломанные изгороди, высаженные двери, разбитые стены амбаров и рухнувшие трубы очагов говорили о том, что отряд вступил на земли нового владыки Северного Этланда. Поперек дороги валялся гниющий труп овцы, на обочине сидела женщина в изодранном платье и выла, закрыв лицо руками; у ее ног неподвижно лежал ребенок. Ни других людей, ни живой скотины не было видно, пока они не прошли селением до вырубленной наполовину плодовой рощи. Тогда сзади слышались шорохи, а затем и робкий шелест голосов: «Рапсоды... рапсоды идут, стражи справедливости... Храни их Таванна-Шихи, Заступница!» Обернувшись, Тревельян увидел оборванных людей, посылавших вдогон отряду священные знаки. Было их немного, не больше, чем уцелевших жилищ.

«Средневековые зверства, – прокомментировал командор. – Все, как у нас тысячелетие назад».

«Не все, – возразил Тревельян. – У нас сожгли бы деревню дотла, а жителей повесили. Возможно, посадили на кол. Всех! А тут, видишь, кое-кто уцелел. Нравы тут более мягкие, даже у баронов-разбойников».

«Просто этот конкретный барон – прагматик. Поля зеленеют, люди нужны, чтоб урожаем убирать».

«Думаешь? А плодовые деревья зачем он вырубил?»

«Может, фруктов не любит», – сказал командор и смолк.

Тревельян повернулся к Форреру. Этот рапсод был старше и явно опытнее других; на его предплечьях красовались шрамы, а недавняя схватка добавила длинную царапину под ухом.

– Скажи, брат, когда нас позвал Раббан, проверялись ли его слова? Про всех этих ограбленных купцов, убитых поселян и разоренные деревни?

– Как всегда, Тен-Урхи, как всегда. Ты же знаешь, что Братство словам не верит. Тут Лагарна побродил, с двумя из наших. Пастухи всегда проверяют, прежде чем вести отряд. И не один Раббан нас звал, приходили и другие люди.

Пастухи проверяют... Ни один из осьерских языков не включал более точного термина – пастырь. Но они были именно пастырями, опекавшими людей всех званий и сословий в цивилизованной части континента. Учителя, наставники и, если надо, судьи... Их суд был суров, и, согласно приговору, Аладжа-Цор мог уже считаться покойником.

Вчера Тревельян кое-что выведал об этом человеке, хотя Чарейт-Дор не очень хотелось о нем вспоминать. Издревле знатные люди Империи насчитывали восемьсот фамилий, и так их продолжали звать по эту пору, хотя одни роды захирели, а другие были истреблены в периоды войн и смут, потрясавших временами огромное государство. Мать Чарейт-Дор, вторая супруга ее отца, происходила как раз из такой захудалой семьи, которую уже не числили в аристократах. Но процветающих семейств было изрядно, семьсот пятьдесят две фамилии, и сорок семь из них, самые знатные и богатые, составляли Башню, или императорский совет. Нобиль Башни и члены его рода имели самый высший статус после императорского, и кровь их считалась такой же священной, как у верховного владыки. Согласно осьерской теологии, душа вечна и пребывает в крови, а кровь благородного нобили неизмеримо дороже крови

простых людей. Ее пролитие возможно лишь как жертва Таван-Гезу, чтобы он не оставил мир своим попечением, дарил урожай и открывал то солнечный глаз, то звездный. Во всех же иных случаях кровопускание было грехом, и, чтобы покарать его, виновного подвешивали за ноги и надрезали жилу на виске. Если же кровь благородного пролита нобилем, то его ссылали, и была та ссылка вечной. Так что Аладжа-Цор, ранивший в поединке родича Светлого Дома, вернуться в столицу не мог, но это не мешало возвыситься в другой стране и даже стать ее правителем. Явившись в Этланд, он вскоре выяснил, что у Раббана нет наследника, но есть пригожая и вдовая сестра. Если бы брак состоялся, то можно было биться о любой заклад, что долго бы Раббан не протянул – весьма вероятно, был бы сражен случайной стрелой на охоте. Но притязания Аладжа-Цора отвергли, что стало для него смертельным оскорблением. Так началась война.

Все это Тревельян выведаль в промежутках между страстными стонами и восхищенными вскриками. Когда же Чарейт-Дор утомилась и задремала, он отдохнул с полчаса, дожидаясь, пока медицинский имплант долечит рану и восстановит силы, затем поднялся, натянул одежду и выскользнул во двор. Дождь закончился, тучи разошлись, и осьерские звезды сияли во всем своем великолепии. Напротив покоев Чарейт-Дор, в нише у входной арки, чадил, догорая, факел. Взяв его, Тревельян углубился в длинный коридор, приведший его в довольно большую комнату, где маячили темные контуры кресел, столов и большого шкафа. Вероятно, это и было книгохранилище, сиречь библиотека. Он зажег свечи в подсвечнике на столе и огляделся.

Считать эту комнату библиотекой было большим преувеличением. Тут на стенах были развешаны рога, головы и чучела зверей, не поместившиеся в Охотничьем зале; с полок скалились нетопыри и саламандры, напротив шкафа находилась стойка с охотничьими копьями, а над шкафом, подвешенная к потолку, парила какая-то крылатая тварь с пушистой серой шерстью и основательными клыками. Что же до самого большого шкафа, то, раскрыв его дверцы, Тревельян увидел ровно пять книг на самой верхней полке. Одной из них были «Анналы эпохи Разбитых Зеркал», другой – «Повесть о нежной любви и томлениях благородного Пия-Радду и красавицы Барушанум», а три остальные являлись охотничьими пособиями. Самый огромный том, переплетенный в кожу, назывался так: «О способах выслеживания болотного дракона нагу. Как его отыскать, окружить и убить, оставшись притом в целости. Сочинение Вассара Одноногого». Судя по содержанию библиотеки, Раббан не был рьяным читателем.

Записки Дартаха отыскивались на нижней полке. Не книга, а стопа кое-как обрезанных листов пергамента, прошитых шелковым шнуром. Перетащив ее на стол, поближе к свечам, и быстро просмотрев, Тревельян выяснил, что это не дневник, а восстановленная по памяти копия манускрипта, который был написан в Эрбо и назывался «Истинные доказательства того, что Мир подобен круглому ореху, а не плоской лепешке». О судьбе оригинала тут ничего не сообщалось, но вряд ли он хранился в университетской библиотеке; видимо, его сожгли в день изгнания Дартаха.

Что ж, теперь хотя бы ясно, чем он занимался на склоне лет, в этом дворце, где его приютили из милости. Учил хозяйского наследника рисовать карты и, слово за словом, восстанавливал свою рукопись... Еще бродил по комнатам и лестницам, рассказывая слугам, что мир не плоская земля в Оправе Перстня Таван-Геза, а огромная сфера, висящая в пустоте... Умер тихо.

Это означало полный провал эстапа Гайтлера и его коллег, Колесникова, Сойера и Тасмана. О чем Тревельян с прискорбием должен был им сообщить по возвращении на Землю – во всяком случае, живым и здоровым Сойеру и Колесникову. И, конечно, пропавшему Тасману, если он когда-нибудь объявится... Но продолжения миссии эта печальная весть не исключала. Итак, глобальный эстап провалился, как прочие акты вмешательства –

но почему? Для профессионала уровня Тревельяна выяснение фактов являлось самым простым и незатейливым делом; труднее выяснить причины того или иного события. Да и круг событий, которые стоит изучить, еще не исчерпан – вот хотя бы этот мятеж в Манкане... Что говорил по этому поводу пастух Хурлиулум? Он обратился к своему незримому секретарю и получил точную цитату: «Споры из-за земель, новых или старых, без крови не обходятся. Пример тому – нынешний бунт в Манкане».

Споры из-за земель, новых или старых... И за ужином толковали, что бунтовщик Пагуш хочет, возможно, переселиться на новые земли. Вдруг в океане?

Решив обязательно проведать мятежного князя, Тревельян спрятал пергаменты в шкаф и вернулся в опочивальню Чарейт-Дор, досыпать. Утром, после погребальных гимнов и прощания с умершими, чей еще теплый прах развеяли над лесной рекой, он отправился в дорогу, сопровождаемый шестью рапсодами и двумя проводниками из ловчих Раббана. Они отлично знали местность и вели отряд сквозь чащу тайными тропами, но добираться все равно предстояло пару дней. Северный Этланд был обширным владением.

В первый день они миновали четыре селения, являвшие уже знакомые картины: часть домов сгорела, пара трупов на крюках, амбары разграблены, люди жмутся по углам, но при виде рапсодов вылезают из своих развалюх и шепчут благословения. К ночи они попали в пятую деревню, в лучших земных традициях сожженную до основания – видимо, здесь сопротивлялись грабежу с особенным упорством. Такой трудоемкой казнью, как развешивание на крюки, тут заниматься не стали, а просто перекололи жителей пиками. Убивали там, где нашли – на улице, во дворах, у очагов и в колыбелях. Трупы были уже объедены стервятниками и лесными кошками. Верещание пацев, прятавшихся за деревьями, подсказывало, что и они приложили к этому делу клыки.

При виде этой деревни молодых рапсодов зашатало, а Форрер помрачнел и буркнул:

– Отсюда приходили люди в город, в нашу обитель, звать на помощь. Должно быть, прознал об этом Аладжа-Цор! Да лишится он достойного погребения, как эти несчастные!

– Мы не успели... – с тоской сказал Заммор, а Тахниш гневно стиснул кулаки и повторил:

– Да, не успели! Тут не Пибал, не Нанди и не Горру! Далекий край... Во всем Этланде три сотни наших, и, пока соберется отряд, четверть сезона минует.

– Я бы пошел один, – заявил юный Паххат, но Форрер его одернул:

– Даута в одиночку не выслеживают! Один бы ты лежал сейчас в том ущелье, не добравшись до дворца правителя... Кроме того, нужны свидетели.

Тревельян кивнул. Тот, кто не жаждет встретиться в поединке со стражем справедливости, может защищаться. Казалось бы, чего проще – нанять головорезов, устроить засаду... Но где найти таких, что подняли бы руку на почитаемое Братство? Таких, что не боятся скрестить мечи с лучшими бойцами континента? Даже воины Аладжа-Цора – люди, видно, отчаянные и лихие – поначалу предлагали разойтись, решить дело миром. Теперь поздно. Один бой ими проигран, а другого не будет – не найти отряда на тайных лесных тропах. Впрочем, часового на ночлеге лучше все же выставить.

Разбивать лагерь около мертвой деревни не хотелось. Они отошли в лес на пару километров и заночевали у ручья, в кольце молодых медных деревьев. Крона их гигантского прародителя, распылявшего семена по кругу, будто касалась звезд, изумрудный свет альфы Апеллеса тонул в ней, подсвечивал резные красноватые листья, придавая им оттенок темного багрянца. От дерева струился резкий, но приятный аромат, отпугивавший насекомых. Старший проводник сказал, что это хорошее место – медные деревья защищают путников от всякой лесной нечисти.

Они поужинали, затем Тревельян назначил смены дежурных, оставив себе предрасветную вахту, после чего лег, пристроил голову на толстом корне и уснул. Ему доводилось

спать во всяких лесах: в плавучих зыбких джунглях Хаймора, среди гигантских трав Гелири, где ползали тарантулы размером в два кулака, в чахлах сухих зарослях Пта, насквозь продуваемых ветром, в чащобах Селлы, где растения реагируют на тепло, двигаются и шарят по земле псевдоподиями в поисках животной пищи. В каждом месте снились свои сны, мрачные или радостные, но большинство он забывал, едва раскрыв глаза. Возможно, его Советник мог бы рассказать об этих снах – ходили слухи, что призраки-импланты умеют их подглядывать. Но никаких намеков на сей счет от командора не поступало – то ли сновидения были неинтересными, то ли, пока потомок спал, предок не подглядывал, а трудился. Он был всегда настороже, когда отключалось сознание Тревельяна, ибо, несмотря на склонность к воспоминаниям и крутоватый армейский жаргон, нес свою службу, как полагается старому солдату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.